

*ЭДУАРД
ГУРВИЧ*

МОЦАРТ
фехтования

Эдуард Гурвич

Моцарт фехтования

«Спорт»

2019

ББК 75.716

Гурвич Э.

Моцарт фехтования / Э. Гурвич — «Спорт», 2019

ISBN 978-5-906132-37-6

Я поразился, когда наскочил на образную характеристику моего героя: «Ракита – Моцарт фехтования!» Да и для самого Марка эта фраза была неожиданной. Оказалось, что знатоки фехтования помнили его именно за импровизацию, артистизм, красоту. Появление такого дарования на фехтовальной дорожке шестидесятих годов прошлого столетия чем-то напоминало им талант искромётного Моцарта, одарённого, весёлого, бесшабашного гения. Сравнение это, справедливое и меткое, определило название данной книги ещё и потому, что у всякого Моцарта должны быть свои Сальери. Они были и в жизни Марка Ракиты. Второе, дополненное издание книги «Сабля Марка Ракиты»

ББК 75.716

ISBN 978-5-906132-37-6

© Гурвич Э., 2019

© Спорт, 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Миуссы	8
Глава II. Двор	12
Глава III. Моцарт фехтования	17
Глава IV. Выбор сделан	24
Глава V. Чемпион Советского Союза	34
Глава VI. Про интеллект в фехтовании	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эдуард Гурвич

Моцарт фехтования

© Э. Гурвич, текст, 2019

© «Человек», издание, оформление, 2020

* * *

«Фехтование есть искусство наносить удары, не получая их. Необходимость тронуть противника, избегая его ударов, делает искусство фехтования чрезвычайно сложным и трудным, ибо к глазу, который видит и предупреждает, к рассудку, который обсуждает и решает, к руке, которая выполняет, необходимо прибавить точность и быстроту, чтобы дать надлежащую жизнь оружию...»
Мольер

Имя Марка Ракиты в интернетных, журнальных и газетных статьях, связанных с фехтованием, упоминается часто. Но на виду и слуху оно не только из-за благозвучия. Запоминается это имя, прежде всего, потому, что знатоки и специалисты называют Марка Ракиту не только великим саблистом, но и, возможно, вообще лучшим фехтовальщиком своего времени. Тем не менее, у него не оказалось даже архива. Он никогда в жизни не собирал материалы о себе, хотя дал, наверное, сотни интервью. Именно по этой причине в 2010 году я написал книгу под названием «Сабля Марка Ракиты».

Прошло десять лет. Тысячный тираж давно разошёлся. Мой герой торжественно отметил своё 80-летие. Почитатели, как водится в современной России, в его честь «накрывали поляны», вручали награды, в родном клубе даже поставили бюст. Он радовал своё окружение живостью ума, юмором, интеллектом. Но, самое главное, его советы для возрождения российского фехтования падали на благодатную почву. Появилось новое поколение спортсменов, тренеров, не вообще озабоченных возвращением утерянного, но вдруг осознавших редкую удачу, что в лице Марка у них есть шанс вернуть и удержать то, что исчезло из богатейшей школы подготовки чемпионов. Ведь Ракита, в отличие от многих грандов советской фехтовальной школы, точнее, золотого запаса её – тренерской элиты – остался в стране, не эмигрировал...

В конце 2018-го Марк приехал в Англию ко мне, другу и автору, чтобы вместе подумать о переиздании «Сабли». Его приезд явился для нас поводом оглянуться на прожитое десятилетие.

За эти годы Марк из классического ветерана, скажем так, вдруг превратился в полноценного консультанта национальной сборной по фехтованию, в специалиста, без которого команда России не выезжала ни на один чемпионат Европы, мира, ни на одну Олимпиаду. Он стал подлинным наставником молодых тренеров.

О себе тоже упомяну. Как профессиональный литератор, в последние три с половиной года я кое-что прибавил в ходе работы над моей самой главной книгой «Роман Графомана». Её выпустило в свет ставшее родным издательство «Человек». И ещё, быть может, более важное в данном случае. Как автор, смею надеяться, я стал более терпим и восприимчив к герою книги, к его взглядам и мнениям. Впрочем, и герой мой, познакомившись с текстом, не дал мне повода заподозрить его в желании что-то убрать, скорректировать, смягчить. Пиши всё, что хочешь – такая его позиция делает ему честь и в моих глазах, как автора, и в глазах читателей...

В минувшее десятилетие мы оба не стояли на месте. Возможно, в чём-то стали мудрее. Что-то из наших заблуждений утвердилось, что-то превратилось в наши убеждения. Мы много думали, спорили, переосмыслили. Наши диалоги и стали основой книги под новым названием.

Предисловие

Начну с цитаты из «Сабли»: «В год семидесятилетия Марка Ракиты я сделал себе подарок – вытянул его из Москвы в Лондон. Неделю он жил у меня, неподалёку от Кингс-Кросс. С утра я частенько был занят, но он на удивление быстро освоился в этом сложном городе – один ходил пешком по улицам, ездил в метро, заглядывал в пабы, кафе, магазины, останавливался у киосков, разговаривал с прохожими. При его слабом английском он не испытывал ни малейшего напряжения, получая удовольствие от общения. И впервые за время моей эмиграции я задался вопросом, почему мой близкий друг, Марк Ракита, двукратный олимпийский чемпион, многократный чемпион мира, победитель десятков самых престижных международных турниров, не захотел покинуть Родину? Он мог быть востребован в любой стране и как выдающийся тренер – его ученики выигрывали олимпийское «золото»! Я не понимал, почему Марк остаётся в стране, где Система ущемляла и лишала самого главного его права – свободы передвижения. Ведь он был *невыездным* целых 13 лет и слишком легко, на мой взгляд, простил эти унижения Системе. Как я полагал, Марк пренебрёг возможностью обрести свободу, когда это стало возможно. Почему? Наши встречи в Лондоне, Нью-Йорке, Вильнюсе, Риге, Анталии, Москве прояснили многое».

Я писал эти строки ровно десять лет назад, когда нам было по 70. Минувшее десятилетие было насыщено событиями глобального масштаба. Вносили ли они в нашу личную жизнь что-то новое, приносили ли разочарования, озаряли, внушали оптимизм, опасения? На мой взгляд, да. Мой оппонент не так категоричен. В год своего 80-летия он приехал ко мне уже не в Лондон, а в пригород, знаменитый Фарнборо. Поселился в гостинице неподалёку от аэродрома. Мы сидели в пабах, гуляли по окрестностям. Встреча спровоцировала острее осмыслить этот отрезок нашей жизни. Я заглянул в свой архив, в черновики, чтобы уточнить какие-то факты биографии моего героя. В интернете я нашёл слова жены великого фехтовального маэстро Виталия Аркадьева, бывшей фехтовальщицы, имевшей большое влияние на мужа. Она одной из первых *забраковала* юного Марка, сказав всесильному маэстро, что «эта черепаха никогда не станет чемпионом». Ракита опроверг общепринятое мнение, выигрывая мировые и олимпийские турниры.

Скажу честно, я устоял от первого импульса втащить именно это слово «черепаха» на обложку будущей книги. И хорошо сделал. Ну, а в дальнейших моих поисках вдруг прочно утвердилось название «Моцарт фехтования», куда более звучное, а главное, отражающее то, что принёс с собой Марк Ракита в этот едва ли не самый элитарный вид спорта.

Глава I. Миуссы

Родина Марка Ракиты – Миуссы, расположенные в центре Москвы. Миуссами называлась площадь между Тверскими-Ямскими улицами и Новослободской. Известны Миуссы по двум причинам. Во-первых, знакомясь с историей окружающих площадь строений, можно получить картину народного образования и российской науки на начало прошлого века: здесь сосредоточились учебные заведения и научно-исследовательские институты. Вторая причина – именно с Миуссами связано начало истории московских трамваев. В 1909 году в Миусском парке выстроили большое депо на 214 вагонов. Здесь же установили одну из первых московских электрических подстанций. Это живописное здание под № 7 стоит на 2-й Миусской улице. В то время к строительству подобных производственных зданий относились творчески. Сейчас звучит странно, что электрическая подстанция могла стать украшением парка. Но так было. Кстати, первый в Москве трамвайный парк уже переоборудовали в троллейбусный.

Многие дома, окружавшие площадь со сквером и расположенные на ближайших к Миусской площади улицах и переулках, построены ведущими московскими архитекторами. В 1913 году на южной стороне площади заложили Собор Александра Невского. Это был проект, масштаб которого специалисты сравнивают сегодня со строительством Храма Христа Спасителя. Заложили Собор в честь пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостного права. Вчерне его закончили как раз к 1917 году. Внутреннее пространство этого чуда архитектуры, без каких-либо опор и столбов, имело объем 43 тысячи кубических метров – в три раза больше, чем в Большом театре. Дальнейшее строительство Советы приостановили. В 1950 году стены недостроенного собора взорвали, а на его месте возвели Дворец пионеров...

Всё, что сохранилось с тех времён в Миуссах, представляет интерес не только с исторической точки зрения, но и как богатейший московский фонд недвижимости. Жилая застройка в Миуссах пополнялась и в советское время. Дом № 5, например, построили в 1960 году для преподавателей и сотрудников высшей партийной школы при ЦК КПСС, которая находилась неподалеку, на противоположной стороне Миусской площади. На углу 1-го Тверского-Ямского переулка и 5-й Тверской-Ямской улицы расположен знаменитый институт нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко. Совсем неподалёку – необычное здание в виде куба с витринами. Это – Музей музыкальной культуры. Он находится рядом с тем самым домом, где жили известные музыканты – на 3-й Миусской, ныне улице А. Чайнова. Этой улице *везло* на переименования. Вскоре после войны её называли в честь лидера коммунистов Чехословакии К. Готвальда. Когда коммунистические режимы в братских странах социализма пали, улицу пришлось снова переименовать. И ей досталось имя А. Чайнова, ученого-аграрника и писателя, расстрелянного коммунистами в 1937 году. Но старые москвичи, и особенно те, кто жил или живёт здесь, по-прежнему зовут её 3-й Миусской.

Именно здесь, на 3-й Миусской, в 1938 году вырос необычный дом, куда вселились чуть ли не все жившие в ту пору советские композиторы. Дом был построен архитектором Людвигом по проекту, созданному им специально для музыкантов. Если посмотреть на фасад немного издали, он имеет форму органа. Разная высота этажей, застекленные до самой крыши пролеты лестничных клеток, оконные полусферы, длинные вертикали, взмывающие вверх, действительно напоминают трубы органа.

Сталин, приручая творческую интеллигенцию, наверняка не случайно выделил для музыкальной элиты такое здание. Впрочем, если быть точным, поначалу это был один из первых советских жилищных кооперативов. Но когда уже туда вселились его обитатели, Сталин вдруг распорядился вернуть пайщикам их взносы. Композиторы получили возможность купить мебель и обставить свои новые квартиры. В благодарность обитатели элитного дома откликнулись ораториями и кантатами, славящими вождя.

В дом, как вспоминают его жильцы, тогда нельзя было войти, миновав лифтершу. Она сидела внизу на площадке рядом с лифтом, в ту пору очень красивым, облицованным панелями под красное дерево, с зеркалом и медными украшениями. Музыка, споры, взрывы хохота раздавались из окон всю ночь напролет, хотя, предназначенный композиторам дом отличался необычайной толщиной стен, стоявших на страже уединения творцов. Чтобы они, с одной стороны, не мешали друг другу, а с другой, чтобы уберечь их от невольного плагиата, чтоб ни одна нота не стала достоянием соседа...

Во дворе этого уникального дома композиторов почти сразу возвели нелепую пристройку – шестиэтажное здание, принадлежащее Министерству энергетики. Специалисты знакового ведомства проектировали и строили электростанции, в которых страна остро нуждалась. Возможно, кто-то наверху и решил – зодчих электростанций и ведущих проектировщиков следует поселить рядом с людьми искусства. Так или иначе, но дом энергетиков встал почти вплоты к дому композиторов. Ему присвоили тот же номер, только с буквой «б»: 3-я Миусская, дом 4-б. Жизнь в этих зданиях существенно отличалась от жизни простых граждан предвоенной Москвы.

Марк родился в том самом доме, в семье заслуженного энергетика, Семёна Самойловича Ракиты. Отец приехал в Москву из еврейского местечка, расположенного неподалёку от Винницы. Спал на чердаках, бедствовал, но стал студентом престижного энергетического факультета Московского механико-машиностроительного института им. Н. Э. Баумана. Впоследствии этот факультет выделился в отдельный энергетический институт – МЭИ, который он закончил с отличием и быстро вырос в ведущего специалиста. С. С. Ракита спроектировал и построил множество теплоэлектростанций, может быть, треть всех, имевшихся в стране, включая знаменитую Конаковскую, за что получил Государственную премию.

Дедушка будущего олимпийского чемпиона, Самуил Львович, до революции владел сахарным заводом. «Раскулаченный», он искал себе применение и, в конце концов, тоже оказался в Москве. Поселился в Брюсовом переулке и устроился наборщиком в типографию газеты «Труд». Дедушка был грамотным человеком, и Марк любил бывать у него, потому что тот нередко брал его с собой на работу. А однажды усадил в зале клуба типографии. Газетчики ставили пьесу «Платон Кречет», где Самуил Львович играл на скрипке. Тогда Марк впервые ощутил гордость за свою родословную. Благодаря деду, в семье жила легенда: какой-то еврей по фамилии Ракита добрался до Петербурга и добился аудиенции у самого царя. Он пожаловался на притеснения, которые испытывали его родственники в еврейском местечке в Украине, том самом, где жили и дед, и прадед, и прапрадед. Очень возможно, это был прадед Марка. Ведь фамилия Ракиты не такая уж распространённая. Как она возникла, можно только догадываться. Вероятно, предки его жили неподалёку от ракиты, нависшей над речкой. Вот и пошло: Ракиты, Ракиты...

Впрочем, с именами в этой семье было много странностей. Например, Самуила Львовича, на самом деле, звали Шмил Лейбович, бабушка Марьям-Гитл была Агатой, другая бабушка, Фрида Марковна, в паспорте писалась, как Фрейда Мордковна. В повседневной жизни имена и вовсе переделывались на русский лад – Сёма, Муся, Маша.

В той, советской реальности и легенда, и настоящие еврейские имена, и, конечно, идиш, на котором говорили в семье Ракиты, составляли ауру детства. Но Марк своё еврейство принял не сразу. Однажды пришёл со двора и спросил, правда ли, что мы – евреи – так его обозвали ребята во время драки. Да, подтвердили ему в семье, это правда, мы – евреи.

Первая реакция мальчика была непосредственной: «Я не хочу быть евреем. Я хочу быть, как все». Но позже он уже не отрекался от своего еврейства. Более того, встречаясь с антисемитизмом в быту, без промедления давал отпор. И не только у себя во дворе. Однажды в метро предложил двум рослым антисемитам выйти на станции и «разобраться». Они вышли, и он

был полон решимости довести дело до конца: подозвал милиционера, стоявшего у входа, но они трусливо сбежали.

С достоинством Марк отстаивал своё еврейство, сталкиваясь с антисемитизмом позже и на государственном уровне. Когда сестра Марка собралась уехать в Германию, ей потребовались метрики о рождении. Родилась она в Магнитогорске, где отец какое-то время работал до войны. Но в этих метриках было записано: «Отец, Семен Самойлович – русский. Мать, Мария Владимировна – русская». Такая запись появилась в 1937 году на пике репрессий, охвативших страну, чтобы попробовать уберечь семью от ареста. Отец, по воспоминаниям Марка, до самой смерти Сталина держал наготове чемоданчик с чистым бельём и бритвенным прибором. Каждую ночь ждал, что за ним придут.

Спустя десятилетия, выяснилось, что такие метрики не устраивали немецкие власти, оформлявшие сестре Марка вид на постоянное жительство в Германии, как теперь говорят, именно по еврейской линии. Тогда этим занялся Марк. Пошёл по инстанциям. И ходил до тех пор, пока не получил в Москве совсем другое свидетельство о рождении сестры и своего, где была написана правда: «отец, Семён Самойлович – еврей, мать, Маня Вольковна – еврейка».

В детстве же, когда формировался характер Марка и он впервые сталкивался со своим еврейством, ему пришлось усвоить главный жизненный принцип: чтобы быть, как все, надо быть лучше других. Добиваться своей цели – наверное, эту черту своего предка, добравшегося до самого царя, унаследовал будущий олимпийский чемпион.

Семья Ракиты для тех лет была вполне преуспевающей. Впятером занимали три комнаты в коммунальной квартире. Полы во всех комнатах были покрыты паркетом, который перед приходом гостей до блеска натирался воском. Это стало обязанностью Марка, как только он подрос. В самой большой комнате стоял диван и огромный концертный рояль. Мария Владимировна, мать Марка, прекрасно играла и пела. Она отличалась неповторимым одесским юмором, который «вывезла» оттуда вместе с бабушкой Марка. Обе эти женщины создавали в семье атмосферу света и лёгкости. Потому тут любили бывать сослуживцы отца, включая руководителей министерства. Модные тогда абажуры придавали уют московским квартирам. Именно такой ярко-красный абажур висел в большой комнате, где ели, пили, веселились допоздна.

Непринуждённость и открытость в этой семье сохранялась вопреки тому, что отношения между двумя членами семьи были не простыми, если не сказать больше. «Не знаю причины, – вспоминает Марк, – но отец и бабушка всю жизнь не разговаривали друг с другом». Тем не менее, это не нарушало заведённый порядок – стол к приходу отца с работы был накрыт, даже если матери дома не было. Бабушка, а точнее тёща, молча, подавала хозяину блюда, а затем, также молча, убирала.

Всё, что отец зарабатывал, складывалось в ящик гардероба под бельё, откуда родители брали по мере надобности. Однажды и Марк принял «участие» в тратах, украв купюру в 25 рублей. Никто из взрослых этого не заметил, а он с приятелем не смог потратить их. Ну, пошли в кино, ну, купили мороженого, сладостей. Ведь тогда в стране были приучены к минимуму: еда, самая простая одежда, крыша над головой, всё...

Детство оборвалось неожиданно. Умерла мать. Марку едва исполнилось 14. Бабушка и старшая сестра старались возместить потерю. Дом и после смерти матери остался, как и прежде, открыт для друзей. И если бабушка Фрида Мордковна варила борщ, а народу в квартире набивалось больше, чем она рассчитывала, всех усаживала за стол. Только в кастрюлю с борщом или супом добавляла кипятку. И всем хватало! А в середине пятидесятых годов несмотря на то, что минуло десять лет со дня окончания войны, было голодно.

Марк рос независимым, дерзким, но ранимым ребёнком и не любил быть попрошайкой, как он тогда говорил. Например, знал, если придёт к бабушке Агате в Брюсов переулок, та и накормит, и с собой пятёрку даст. Но именно потому Марк перестал туда ходить после смерти матери, чтобы это не выглядело как подаяние сироте. Травма осталась на всю жизнь. Впечат-

лительный мальчик переживал трагедию трудно. Какое-то время отец жил с ними. Сыну казалось, так будет всегда. Но вдруг выяснилось, что у отца появилась новая семья и он уходит от своих детей. Вот этого Марк простить отцу не смог. Он его возненавидел. Он не понимал, как от таких прекрасных детей – от него и сестры – можно было уйти. Лишь спустя много лет, после смерти отца, он понял, что тот был прав: он должен был строить свою жизнь. И простил его.

* * *

Отправляясь в гостиницу к Марку в октябре 2018-го, я прихватил мой экземпляр «Сабли», который *постарел*, как и мы. Главу с воспоминаниями о детстве можно оставить без дополнений, предварительно решил я. Листая уже в номере страницы, на всякий случай вслух произнёс, что, мол, навряд ли ты, мой герой, тут выложишь что-то ещё. Но как выяснилось, есть новые факты. Да и трактовка прежнего текста первой главы, кстати, как и следующей, близкой по теме, нынче может быть несколько иная.

– Миуссы преобразаются, – заметил Марк. – Из окна моей квартиры, например, была видна школа до того, как туда пошла в первый класс моя самая младшая внучка. Теперь виды из окна закрыли строения Миусской больницы. Мэрия отдала этому лечебному учреждению всю прилегающую территорию. Миусский телефонный узел, 50-е отделение милиции, троллейбусный парк – всё за минувшие десять лет стало историей. Но остаётся дом, где я родился. Всякий раз, когда проезжаю на машине мимо, не отказываю себе в удовольствии заглянуть туда... Вот и ты поменялся. Больше сидишь не в Лондоне, а в пригороде. Стал зловреднее...

– Ну да, ну да, едкий старик, как ты выразился! Я ж не удержался даже в предисловии пройтись по традиции российской – устраивать в честь дней рождения банкеты...

– А что тут плохого? Можно подумать – в Англии иначе...

– Иначе. За четверть века мы с моим близким английским другом не выучили наши даты рождения. И с поздравлениями не докучаем друг другу. В Англии отмечают такие дни походом в театр, поездкой в другую страну. И почти никогда застольями... За день до 80-летия этого моего друга, кстати, многолетнего президента Королевской ассоциации писателей Великобритании, мы сидим в моей Студии, разговариваем. Спрашиваю – а как ты завтра будешь отмечать юбилей? Никак, отвечает, посидим дома с женой и детьми. Да-а-а, говорю, а ведь в твоём ранге (равном посту Первого секретаря Союза писателей СССР), *случись* такая дата и в сегодняшней России, тебя бы с твоими книгами и регалиями непременно в Кремль вытащили, орден вручили, банкет закатали. В такой день кормить-поить юбиляра до отвала и славословить – святое дело! А он мне: «Блудить словами? Зачем?»

– Ну, отнеси это к чопорности англичан, к их холодности. Не вижу ничего плохого в традиционном российском гостеприимстве, которым иностранцы восхищаются.

– Восхищаются со стороны, считая это родом провинциальности...

Впрочем, диалогов такого рода у нас будет много. А пока вернусь к повествованию.

Глава II. Двор

Когда началась война, по всей Москве ввели затемнение. На окнах опускали шторы из синей плотной бумаги. Две белые бумажные перекрещивающиеся полосы на стеклах должны были их сохранить во время бомбёжек. В небе повисли аэростаты. Всё чаще объявляли воздушную тревогу. Бомбоубежище, находившееся в подвальном зале дома композиторов, набивалось, прежде всего, детьми. Туда же спускались трёхлетний Марк со старшей сестрой. Но вскоре энергетиков с семьями решено было отправить на Урал. Комнаты закрыли на замок, ключи сдали в домоуправление и поехали на вокзал. Марк помнит, что на привокзальной площади у взрослых оказалось слишком много тюков. На пути к платформе и ему дали в руку сетку, которую называли авоськой. В семье позже вспоминали, с какой важностью в этой авоське он тащил к эшелону три килограмма репчатого лука. Почему-то именно три.

Эвакуацию семья провела на Урале. Отец получал «генеральский паёк», который мать с бабушкой обменивали в окрестных деревнях на сметану и мешки с семечками. Из этих семечек делали подсолнечное масло. Мешки стояли на кухне. Когда никого из взрослых там не было, Марк с сестрой пробирались к мешку и делали дырку, ссыпая в ладоши семечки... Очевидно, годы эвакуации были голодными. Но Марк это помнит плохо. Помнит только семечки.

В конце 1943 года семьи энергетиков вернулись в Москву. Война ещё продолжалась, но фронт продвигался к границе, оставляя за собой пепелища. Всем было понятно, без электроэнергии восстановить разрушенную промышленность невозможно. Специалисты НИИ «Теплоэлектропроект», где работал отец, составляли «золотой запас». В этот период они получали повышенные пайки, льготы, всё. От них требовалось только одно – в максимально короткие сроки выдавать проекты, привязанные к местности, и строить новые электростанции. Отец постоянно ездил в командировки, уходил на работу ранним утром и возвращался поздним вечером.

Марк его почти не видел. Он подрос и, конечно, пропадавал во дворе. Пока семья находилась в эвакуации, двор изменился. Теперь он представлял собой своеобразное каре. Вход – через арку главного здания был всё тот же. Напротив, торцом к арке, как было и до эвакуации, стояла их *шестиэтажка* энергетиков. А вот слева выросли бараки. Дальше – гаражи. На задах двора поставили новую котельную, которая казалась тогда внушительным строением. Именно сюда, к котельной, всем двором сбегались теперь ребята играть в «войну», в хоккей, а после того, как посмотрели фильм «Кардинал Ришелье», фехтовать на палках.

Двор же, на самом деле, был очень необычный. Реник (Карен) – сын Арама Ильича Хачатуряна, Юра – сын Дмитрия Кобалевского, сыновья Шапорина... Дети «маститых» композиторов играли с мальчиками и девочками других композиторов, «помельче» – Будашкина, Покрасса, Александрова, Иванова-Радкевича...

Из дома энергетиков выбирались на тот же Двор и дети руководителей министерства, проектировщиков, крупных инженеров. Ребята из голодных окрестных деревень, жившие в бараках, быстро освоились во Дворе, хотя были далеки от искусства. Родители их работали дворниками в Миуссах или грузчиками на предприятиях поблизости. Но никто в том Дворе на это не обращал внимания. Все были равны, когда играли в «казаков-разбойников», прятки, салки. Не только сами Творцы музыки, но и их отпрыски, никому из детей Двора не казались чем-то неземным. Ну, ездили они на трофейных «эмках». Ну, одеты немного лучше, чем другие. Ну, по радио звучали имена Глиэра, Мурадели, Хачатуряна. Это было не важно. Выбегая из своих подъездов, дети Двора перемешивались, дружили, курили, ссорились, мирились, матерились. А вечерами все ходили к «Композиторам» смотреть кино. Там, на первом этаже, располагался кинозал.

В семье Марка тем не менее говорили, к примеру, что в том доме живёт Зиновий Львович Компанеец. Но Марку и его сверстникам тогда в голову не приходило, что тот – настоящая знаменитость! Каждое утро миллионы людей от Москвы до Владивостока просыпались под бодрящие мелодии этого композитора «На зарядку». А потом уже звучал голос диктора Всесоюзного радио Гордеева: «Доброе утро, товарищи!.. На зарядку становись! Шагом, марш: раз, два, три...»

– И сегодня от меня, – смеётся Марк, – мои внуки, не знакомые с прошлым страны, всё равно могут слышать, как я напеваю эту мелодию Зиновия Компанейца – «На зарядку становись!» Но мы-то во Дворе сталкивались с этим Компанейцем и пробегали мимо, здороваясь или нет. А вот на втором этаже этого замечательного дома жил наш настоящий друг, композитор Ваню Мурадели. Он наблюдал за футбольными матчами, которые устраивались под его окнами. Сначала мы играли тряпичными мячами, которые шили наши мамы и бабушки. Потом появились настоящие мячи с надувной камерой. И когда вдруг прохудившаяся камера спускалась, Ваню Ильич бросал нам из окна 5 рублей. Мы тут же неслись в магазин «Динамо», на Тверскую улицу. Футбольная камера стоила 4.50, а на оставшийся полтинник покупали 7 пачек фруктового мороженого по 7 копеек или три пачки настоящего, сливочного, по 15 копеек.

Ребята из других домов сюда не приходили. Они считались *чужими*. Более того, Двор «войной» ходил на «серую коммуны». Так почему-то прозвали татар, живших по соседству – в каменном доме. Драки с ними были серьёзные. Они ненавидели «элитных» детей и подкарауливали их, когда те выбегали из своей арки. Бегать же было куда. Например, к строящемуся зданию «Трёх райкомов» – Свердловского, Ленинградского и Фрунзенского, где работали пленные немцы. Им через забор бросали хлеб, а они в обмен – выточенные из деревяшек пистолеты. В таком пистолете торчало металлическое дуло из пустой гильзы. Туда насыпали серу, счищенную со спичек, поджигали и стреляли. Хлопки походили на настоящие выстрелы, доставляя прохожим немалое беспокойство.

Сбегали со Двора и в подвалы недостроенного Собора Александра Невского. Там играли в ту же «войну», а, самое главное, искали подземный ход к Кремлю. Ребята были убеждены, что он есть. Из подвалов возвращались, когда уже темнело. Тут-то их поджидали «враги» из соседнего двора. Приходилось отбиваться. Бежать с «поля боя» было невозможно. Это сплывало.

– Мы в нашем Дворе, – вспоминает Марк, – случалось, дрались и между собой, но быстро мирились. С ребятами же из «серой коммуны» – никогда.

Вот такое раннее социальное расслоение было в стране, где... все равны. История творялась рядом, хотя ребята ещё плохо понимали это. И вдруг все по-настоящему ощутили её дыхание. Вдруг стало очевидным – дети композиторов, энергетиков, дворников, ребята из окрестных дворов, все были одинаково заряжены советской пропагандой. Все любили Родину, Кремль, вождя. Во время ребячьих игр, не задумываясь, присваивали себе имена «полководцев», сталинских маршалов, сталинских «соколов», за исключением имени самого Отца народов.

Когда умер Сталин, всех объединило неподдельное горе. Марк, не раздумывая, присоединился к тем, кто решил прорываться сквозь кордоны в Колонный зал Дома Союзов. Во что бы то ни стало ребята хотели попрощаться с товарищем Сталиным. Ведь живым его почти не видели. А тут по радио объявили: «Доступ к телу товарища Сталина открыт...» Конечно, сыграло свою роль и «ощущение события», к которому хотелось быть причастным! Около десяти часов утра ватага ребят двинулась дворами, вдоль Тверской улицы, по крышам и пожарным лестницам, преодолевая заборы и наглухо закрытые ворота.

– Добрались до Пушкинской площади, – вспоминает Марк. – Сверху видели давку. Люди уже пытались вынырнуть из несущегося вперёд потока. Но это нас не остановило. Никто из ребят и не помышлял повернуть назад. Наоборот, с дома у Столешникова переулочка спустились по ограде в эту толпу. А тут была западня. Тяжелые военные грузовики никого не выпускали.

Через несколько мгновений началась давка. Солдаты прикладами сдерживали напившуюся толпу, чтобы их не смяли. А потом уже лупили без разбору по головам. Обезумевшие люди затаптывали друг друга насмерть. Стоявший передо мной солдат вдруг сгрёб меня в охапку и пихнул под «Студебеккер». Тут же оказался мой приятель со Двора. Наверное, это нас спасло. Так, вдвоём мы просидели под машиной несколько часов, пока не увидели какой-то просвет. Вход в переулок со стороны Тверской перекрыли, и мы поняли, что из него уже можно выйти. Путь назад был открыт...

К вечеру Марк вернулся домой. Грязный, оборванный, он до конца ещё не понимал случившегося. Просто замёрз, просто пережил страх и свалился в постель до утра. Дома его никто ни о чём не спрашивал. Было не до него: в спальне второй месяц лежала тяжелобольная мать. Но уже на следующий день по Москве пошли слухи о кровавой давке: по пути в Колонный зал погибали сотни людей. Толпа насмерть затаптывала тех, кто упал. Люди проваливались в люки, с которых сбивались крышки. Набитые трупами, они вызывали панику, многократно увеличивавшую число погибших. Возможно, подросток понял тогда, что, оказавшись в толпе, поддавшись массовому психозу, можно было и не уцелеть.

Многое вспомнилось Марку в год его семидесятилетия, когда вдруг решил навестить Двор, где прошло детство. Ожили в памяти троллейбусы, которые не помещались на территории парка. Их тогда, как и сейчас, оставляли ночевать на прилегающих улицах. В пустых салонах сидели допоздна. Первые поцелуи, первые объятия! Никому в голову тогда не приходило, что свою девочку, своего мальчика можно привести домой...

Марк прошёл по 5-й Тверской-Ямской. Слева, около Физического института, через чугунные прутья забора виднелся заросший, запустелый сквер. Оказавшись на перекрестке бывшей 3-й Миусской, увидел незнакомые дома. Поразила безвкусица строительства последних десятилетий. Какой-то упадок, запустение. Но, всё равно, это были улицы его детства, его сквер, его деревья, его закоулки. Подошёл к знакомой арке. Вот и та самая их *шестиэтажка*, пристроенная, прямо-таки приляпанная торцом к дому композиторов. Оглянулся вокруг, постоял, потом, не спеша, поднялся на третий этаж, позвонил в квартиру под номером 30. Долго не открывали. Наконец, из-под двери мужской голос спросил: «Чего надо?» Сказал, что жил здесь когда-то, и хотел бы взглянуть. Из-за двери услышал в ответ: «Иди отсюда!» Ну, конечно, это неправильно. Надо было сначала зайти в домоуправление, договориться с жильцами заранее...

Когда вышел из подъезда, запрокинул голову, посмотрел на свои три окна. Какая там сейчас жизнь? Ничего, кроме дешёвых тюлевых занавесок и приоткрытой форточки, он не увидел. А может быть, хорошо, что ему не предложили войти! Как мог бы он представить там чужую обстановку, чужие обои, какие-то люстры вместо абажура над круглым столом, эти тюли вместо тяжёлых штор? Ведь не было там ни маминого рояля, ни дубового шкафа, ничего из той жизни. Возможно, и не надо туда заходить.

* * *

Выставляя эту главу в новом издании практически в том же виде, что и в «Сабле», я вдруг почувствовал, что в ней не хватает дополнительных штрихов, дающих представление читателю о времени, об эпохе, в которой вызревал мой герой в своём Дворе. Тех самых штрихов, которыми я был увлечён, когда разбирался с главным персонажем в «Романе Графомана». Возможно, я ещё не вполне остыл от прежнего сочинения. К тому же сегодня мы с Марком придерживаемся разных взглядов на известные страницы истории. Произнося эти мысли вслух, я оценил, что Марку не пришлось в голову скрывать эту разницу. Он, к счастью, не собирался угождать никаким мнениям ярых антисталинистов, отпетых антисоветчиков, непримиримых оппозиционеров. Я же со своей стороны, выпуская пар в начавшемся диалоге, вдруг ощутил –

а ведь мы с моим героем принадлежим к одному клану 80-летних. И потому имеем редкую возможность в этой книге дать представление будущим поколениям, как трудно укладывалось в наших мозгах прошлое, пережитое нашими семьями, нами в ту самую эпоху, которую историки называют сталинской.

Да, мы с Марком вызревали при жизни Сталина. Мы оба родились в Москве. При жизни генералиссимуса пошли в первый класс и заканчивали среднюю школу через пару лет после его смерти. До того, в самом начале войны, мы малышами, со своими семьями оказались в эвакуации на востоке, в районе Урала. Ближе ко Дню Победы вернулись в столицу. Мы провели в Москве, столице нашей Родины, (так принято было называть ее тогда) детство, отрочество. В *стольном* городе мы входили во взрослую жизнь, подчиняясь тогдашним порядкам. Пробуя выживать в тех условиях, мы вступали в пионеры, в комсомол, в партию. А потом ловчили, помалкивали, обманывали Режим, который ставил интересы общественные выше личных...

Но при всей похожести наш с Марком жизненный опыт оказался разным, впечатления от прожитого и взгляды – тоже. Чего и на этот раз мы не стали замалчивать. Выяснилось это прежде всего в оценке Сталина. Вроде бы далеко от спорта. Но, повторюсь, мы оба родились и жили в сталинскую эпоху. И если я пишу о жизни выдающегося советского фехтовальщика, как можно умолчать, обойти эту тему! Вот наш диалог.

– Марк, глава «Двор», остающаяся без изменений в новой редакции, меня зацепила твоим рассказом о днях смерти Сталина. Собственно, это послужило толчком спросить тебя, рвущегося в 1953-м по крышам домов к Колонному Залу, чтобы почтить память вождя: а что ты думаешь сегодня о Сталине.

– Да вроде ты пишешь обо мне, как о фехтовальщике. Но раз ты хочешь...

– О фехтовальщике и о времени, в котором ты вызревал. По опросам, проведённым в России, где ты живёшь, выяснилось, что 77 процентов населения и сегодня думает: Сталин был великий вождь, Сталин – славная страница в истории страны. Ты не последний человек в нынешнем российском обществе. И читателю, думаю, важен твой взгляд на Сталина.

– Не нам обсуждать и судить его. Сталин – фигура мирового масштаба.

– Ну почему же нам, 80-летним, уходить от таких острых суждений? Разве у нас нет долга перед нашими сыновьями, внуками, а в твоём случае и перед спортсменами и их молодыми тренерами, которых ты наставляешь?

– Я предпочёл бы как можно меньше говорить об истории страны и политике в этой книге. Ты же собираешься писать о фехтовании? Но если ты настаиваешь на этом разговоре, скажу, что для меня Сталин неоднозначная личность. Он, скажем, бандит, который грабил банки. Но ведь и Рокфеллер, кажется, признавался, что первый его миллион он сколотил на крови и преступлениях. Так и Сталин. Он изобрёл методы, которые позволили ему преобразовать аграрную страну в мощную индустриальную державу, вывести её на высочайший технический уровень, восстановить после войны... Да, он использовал для этого бесплатную рабочую силу, загоняя миллионы в ГУЛАГ. Но это требует осмысления. Я не могу его судить. А если у Сталина не было других методов действовать по-другому? Он решал задачу преобразования захолустной страны, превращения её в державу, способную противостоять гегемону США. Да, мы отставали в строительстве квартир. По бытовым условиям, производству предметов потребления наше общество было позади Запада. Но наша оборона, наша военная промышленность были на передовых позициях.

– Понятно, ты полковник Советской Армии в запасе и иначе думать не имеешь права.

– Не в этом дело. Ты предлагаешь мне ответить, кто был Сталин – Узурпатор, Диктатор или Просветитель, Великий Строитель? Я думаю, он был и то, и другое. А что, если у него не было других способов держать в руках безграмотных крестьян, отсталых рабочих? Ну, вот и сегодня мы превосходим в обороне уж страны Европы точно. Да, отстаём с бытом. Зато мы обороноспособны.

– Ты уверен, что российская военная техника и подготовка столь превосходна? Откуда у тебя такие сведения, такие ощущения, чувства?

– Я не специалист в этих вопросах. Но я озвучиваю то, что слышу и читаю в наших СМИ. Я верю этой информации. По телевидению говорят люди-профессионалы с цифрами и фактами в руках. Почему я им не должен верить? Россия много тратит на вооружение из своего бюджета. Но США в 10 раз больше. Понятно, их бюджет больше...

Я тоже не специалист в обороне. Потому оставлю эту тему. Но не роль Сталина в строительстве державы, способной соответствовать вызовам. Свои взгляды выставлю в последних главах – без права судить и без попытки переубедить. А пока двинемся к теме, которая точно обозначена названием книги.

Глава III. Моцарт фехтования

В жизни мы часто не догадываемся, что среди наших друзей есть отдельные личности, которые обязательно оставят след в истории литературы, журналистики, искусства, спорта. Из-за близости до поры, до времени мы не выделяем их. И они тоже себя не выдают. В моём подсознании, к примеру, не раз мелькало: среди стаи средних литераторов, таких же, как я, проще дружить действительно с талантливыми людьми. Много лет я восхищаюсь Александром Кустарёвым-Донде, без всякого преувеличения, лучшим публицистом в современной журналистике. Очень ценю наши встречи. Мне легко общаться с ним. Когда ко мне попадают его тексты, статьи, я радуюсь каждой строчке и счастлив сам написать ему, что восхищён. Я страдаю, что не могу в полной мере насладиться книгами моего английского друга, Колина Туброна, поскольку читать его изысканную прозу мне приходится со словарём. Наши встречи, тем не менее, всегда полноценны, наши отношения искренни. Я испытываю радость, когда мои слушатели приносят мне вырезки из «Таймс», «Дейли телеграф», других английских изданий с отсылками самого высокого свойства о его новой работе.

В литературе я всю жизнь был аутсайдером, в глубокой тайне мечтающим прорваться к звёздам. Но всегда замечал, как трудно бывает с настырными литераторами. Их звонки, письма с вопросом «Ну, как?» – изнуряют. Потому что приходится изворачиваться, врать, чтобы не обидеть. Со своей стороны, если я кому и дарил свои книги, то как сувенир. И никогда не ждал, что на них отзовутся. Убеждён, настоящий читатель случается или не случается вне зависимости от суеты автора. Такое, наверняка, можно сказать и о почитателях музыки, живописи, других видов искусства.

Ну, и в спорте. Да, тут всё решают судьи, метры, сантиметры, секунды, баллы. Но есть для параметров оценок и высказываний в адрес фаворитов субъективное – судьи куплены, успех случаен, принимал стимуляторы и так далее. Не говоря уж о предвзятых оценках интеллекта спортсмена в том или ином виде спорта. К примеру, публика развлекает себя обидным – у мамы было три сына: два умных и один футболист...

Однако я веду речь о бесспорных авторитетах и фаворитах. Скажем, я всегда сознавал, что среди моих друзей Марк Ракита – крупная личность: неоднократный чемпион мира, олимпийский чемпион, выдающийся тренер. Тем не менее, готовясь к написанию книги о нём, копаясь в интернете, я был поражён, когда вдруг наскочил на такую характеристику: «Ракита – *Моцарт фехтования!*» Да и для самого Марка эта фраза была неожиданной. Оказалось, что знатоки фехтования помнили его именно за импровизацию, артистизм, красоту. Появление такого дарования на фехтовальной дорожке шестидесятых годов прошлого столетия чем-то напоминало им талант искромётного Моцарта, одарённого, весёлого, бесшабашного гения. Определение было не только справедливым, но и метким.

...Забегая вперёд по сюжету книги, сделаю здесь признание, что именно эта метафора сломала и мои сомнения – надо ли мне лететь из Фарнборо в Вену вместе с Марком. В конце концов, у меня на диктофоне уже было около 20 часов записей наших бесед. Но вместе побывать на родине Моцарта, припомнить эпизод времён «холодной войны», связанный именно с Веной, когда после соревнований Марка должны были «депортировать» на родину из-за опасений надзиравших гэбэшников, от такой возможности отказываться не следовало, как бы плохо я себя не чувствовал. О поездке расскажу позже. Но тут, раз зашла речь о Моцарте, мне никак не обойтись без упоминания о городе, связанном с именем композитора.

Годом раньше, осенью 2017-го, когда я впервые был в Вене, мне показалось, что по улицам австрийской столицы ездят и бегают... Моцарты. Конные экипажи с кучерами в камзолах, плывущие на мостовых – понятное дело, всего лишь бутафория ради туристов. Но в Венский оперный зрители пробираются между билетными дилерами, разодетыми в камзолы и панта-

лоны времён Моцарта. Они, как и убранство в фойе театра, фотографии на стенах, напоминают о событии: государственный театр открылся полтора столетия назад постановкой «Дон-Жуана» Моцарта.

Забавно, что только оказавшись с Марком в Вене, я вдруг спохватился – а ведь камзолы и панталоны времён Моцарта очень похожи на костюмы современных фехтовальщиков-саблистов, выходящих на дорожку – те же штаны чуть ниже колен, гетры...

Мой тогдашний поход во Дворец Палфи уложился в памяти в связи с именем композитора, где два с половиной века назад в зале Фигаро в самый первый раз появился юный гений Моцарт со шпагой в напудренном парике. Тогда к восторгу публики Моцарт исполнил одно из своих первых сочинений. С тех пор на малюсенькой сцене оркестры дают концерт, состоящие из двух отделений. Музыканты, одетые в костюмы барокко, исполняют Моцарта.

Словом, в моём сознании Вена и Моцарт слились воедино так, что я в первой поездке как-то упустил из виду, что Моцарт родился вовсе не в Вене, а в Зальцбурге. Теперь в 2018-м, оказавшись в Вене с Марком, в первый же день я предложил моему *фехтовальному Моцарту* сесть в утренний поезд, и спустя два с небольшим часа мы были в Зальцбурге. Сразу отыскивали музей – дом, где родился и жил Моцарт. Я предложил Марку встать рядом с силуэтом Моцарта у входа. Он же ответил: мол, это ты пишешь книгу под названием «*Моцарт фехтования*», я сделаю твою фотографию. Я спорить не стал.

Ну, а рядом с музеем в тот день в знаменитом Моцартеуме давал концерт русский композитор и пианист Владимир Генин, который живёт в Мюнхене. Я был заочно знаком с ним, и конечно, встретился перед самым концертом. Он объяснил мне, что играть в этом великолепном зале – величайшая честь для всякого музыканта. В рамках фестиваля «*toujours Mozart*» он делал доклады о Моцарте с игрой на рояле и разъяснениями еще в 2003-2005 годах. И не только здесь, в резиденции Зальцбурга, но и в Замке «Шварценберг Паласт» в Вене. Генин рассказал мне о новаторстве Моцарта, которое остается незамеченным и не оцененным. Вместе с доцентами из Зальбургского Моцартеума и Венского университета с 2012 дважды в году он ведёт *Austrian Master Classes*...

Конечно, в той поездке в Зальцбург я был исключительно удачлив именно благодаря этому знакомству. Композитор из Мюнхена вовсе не удивился, когда я сказал ему, как называли почитатели таланта Марка в его лучшие фехтовальные годы. С Моцартом, заметил Генин, мы все связаны так или иначе... Скажем, поэт Иосиф Бродский сравнивал Юза Алешковского, писателя и автора песен, с Моцартом за его тонкий слух на русский язык, свободный, не скованный никакими запретами. В речи его героев легко увидеть все пласты: уличный, лагерный, застольный, интимный. Хотя тут следует сказать с печалью об облатнении русского языка в 90-е годы...

О Моцарте и мифах вокруг этого имени, к примеру, оставил любопытные записки пламенный революционер Чичерин. В правительстве Ленина он был народный комиссар иностранных дел. Его наверняка можно назвать «Моцартом дипломатии», пошутил я. Как выяснилось, Георгий Васильевич был не в фигуральном, а в буквальном смысле увлечён Моцартом. Он так и написал о своих главных увлечениях в жизни – у меня были революция и Моцарт. Нарком, сообщил мне Владимир, оставил записки и письма о мифах вокруг Моцарта, которые сегодня являются предметом изучения *моцартоведов*...

Главный же миф, а может быть, и мистика, связанная с Моцартом, подметил Генин, заключается в том, что некоторые музыканты говорят или доходят даже до того, что утверждают – Моцарт так прост и прозрачен, что его вообще нельзя сыграть хорошо. В нашей последующей переписке Владимир Генин сослался на известного музыковеда М. Пустовит и любезно послал мне ссылку на ФБ. При всей моей предвзятости к фейсбук, в чём откровенно признаюсь в конце книги, я пошёл на ссылку, указанную композитором. И не пожалел. Вот она. Пишет профессиональный музыкант и преподаватель, а также журналист Мария Пустовит:

«Если остановить на улице человека, с более или менее интеллигентным лицом, и спросить – какого Вы можете назвать композитора, из самых известных – он скорее всего подумает секунд пять, и полувопросительно скажет: ну, Моцарт...?»

И будет прав. Моцарт, пожалуй, самый известный, самый универсальный и самый мистический композитор. Вот да. Моцарт – композитор мистический... И уж точно не потому, что у него в последней симфонии якобы есть какая-то пространственно-временная прореха, через которую знающие люди могут выйти в астрал. Кстати, я за всю свою жизнь так и не выяснила, что это за эпизод, хотя временами выйти в астрал мне очень хотелось. Ну, или знающие люди просто не раскрывают карты. Мистика заключается главным образом в том, что Моцарта совершенно невозможно сыграть. Вообще. Обычно этот замкнутый круг начинается довольно невинно. Ты находишь старенький сборник с моцартовскими сонатами, открываешь и читаешь с листа. Фактура почти везде прозрачная, поэтому читаешь и радуешься. И в тебе нарастает недоумение – что здесь такого невозможного? Украшения получаются аккуратны, пассажи удобно ложатся в руку, интонация дышит. Ты ложишься спать и думаешь – ну все понятно, просто никто до меня не мог проникнуть в душу этой музыки. А я вот проникла. Завтра доучу текст и поеду на конкурс королевы Елизаветы. Назавтра ты встаёшь, с легким сердцем открываешь ноты... и понимаешь, что... тебе здесь не рады. Нет, весь мелкий бисер в правой руке по-прежнему получается, но окончания лиг вдруг ставят тебе какие-то неожиданные подножки, кульминация выходит формальной, а украшения скомканными. Ну что ж, думаешь ты, значит и правда, не все так просто. Текст, наверное, требует какого-то жертвоприношения. Ты пытаешься договориться по-хорошему: находишь хорошую редакцию, смотришь штрихи под лупой, выстраиваешь аккорды и интервалы, оркеструешь фактуру, пытаешься убедить соседей, что вот тут в левой руке полтора такта точно играет виолончель. Соседям уже надоело, тебе откровенно говоря, тоже, но ты не сдаёшься и подключаешь тяжелую артиллерию – пропеваешь своим противным голосом партии всех голосов в каком-то внезапном фугато. И через неделю фактура, в которой совершенно нечего учить, тебе всё-таки покоряется. Но теперь... музыка превратилась в какой-то зомби-апокалипсис, все живые интонации исчезли, жизнерадостная главная партия звучит гимном Северной Кореи, очаровательный минорный эпизод превратился в истерику какой-то нервной тетки, а медленная часть буксует и цепенеет. Музыка у тебя под руками совершенно мертвая. И ты думаешь, кто же ее убил? Кроме меня и сонаты здесь никого не было. Или был?.. Играешь ещё раз, в отчаянной надежде что-то реанимировать. Аккомпанемент перекрывает мелодию, в пассажах взвизгивают человеческими голосами самые неожиданные ноты, а из всех кадансов торчат какие-то свиные рыла. Такое ощущение, что соната замышляет против тебя что-то плохое. Тебе становится страшно. И чтоб не так бояться, ты злишься и говоришь – господи, да это же невозможно сыграть. Невозможно! И кладёшь ноты в самый дальний угол. Пусть полежат. А дальше уж у кого какая память. Кто-то через год снова открывает ноты. Кто-то через два. Кто-то вообще больше не смеет. А есть ещё всякие блаженные, которые этих свиных рыл не боятся. Вот они-то Моцарта и играют. Но их мало».

Замечательно, Мария! Bravo! Возвращаясь к нашему же Моцарту, метафорическому *Моцарту фехтования*, в этих ваших рассуждениях я вдруг увидел прямые параллели: Марка Ракиту на фехтовальной дорожке невозможно было не то, что повторить, сыграть, но и редко кому обыграть, обмануть, обхитрить. Это именно то, что я читал про виртуозного фехтовальщика. Очень незаурядный был мушкетер! Не однажды его противники жаловались, что просто не успевали понять, в какой момент он их заколол, вернее, зарубил. Не было в то время почти ни одного саблиста в фехтовальной элите мира, которого бы он не одолел.

...Перебью тему Моцарта совершенно неожиданным отступлением, которое, может быть, можно отчасти оправдать мотивами на тему Сальери, раз уж мы оказались в Вене. Историю эту, связанную с чемпионатом мира по фехтованию 1971 года в австрийской столице, Марк

рассказывал мне сразу после того, как мы вернулись из Зальцбурга. Ей без малого полвека. Но запомнилась она ему во всех деталях по многим причинам. Советская команда, приехав на чемпионат мира 1971 года, жила в центре Вены в одной из дешёвых гостиниц, расположенной, кажется, на Рингштрассе. Состязания саблистов складывались удачно. Поездке в Вену предшествовала подготовка в Стайках, спортивной базе под Минском. Шпажист из Эстонии Ян Вянес выиграл зачётный бой у белорусского фаворита в сборную. После боя оба спортсмена поехали выпивать. В ресторане возникла потасовка. Белорусский спортсмен скрылся, а Вянеса арестовали. Он уже был зачислен в сборную страны и должен был лететь в Вену. Административный ресурс у наших тренеров был достаточный, чтобы Яна Вянеса освободили из-под ареста. Но после привода в милицию он автоматически стал невыездным. И таким образом, не Ян Вянес, а его соперник попал в сборную команду...

– Я запомнил этот чемпионат в Вене, – прервал Марк сам себя, – и по другой причине. В тяжелейших схватках на дорожке в личном первенстве саблистов я одержал две победы и по количеству уколов с запасом проходил в финал. Я заглянул в буфет, и, в ожидании финала решил немного подкрепиться. Сiju с бутербродом, каким-то лёгким напитком. Чувствовал себя спокойно, психологически настраивался на заключительный бой. Вдруг ко мне прибегают с известием – я должен срочно явиться на перебой. Оказалось, что мой товарищ по команде Владимир Назлымов проиграл под 0-5 заведомому аутсайдеру венгру Томашу Ковачу. Намеренно проиграл. Чтобы выбить меня. В результате я перебой проиграл. Что произошло понял не только я, но и тогдашний главный тренер нашей сборной Сайчук. «Я всё видел, – говорит Лев Васильевич, – не переживай». Переживания свои я выкладывать не стал, сдержался, но предупредил: вернёмся в Москву, и я тут же напишу докладную в ЦК КПСС, как наш советский спортсмен предал своего и отдал бой. И тогда главный тренер принял меня уговаривать: никуда не пиши, я за это пробую выезд твоего тренера Давида Тышлера на Олимпиаду. Кто-то, кажется, и без моего участия написал об этом случае в Центральный Комитет партии. Но я сохранил нашу договорённость. А вот Сайчук меня обманул: Тышлера на Олимпиаду не выпустили. Иначе говоря, это была очередная подлость. Я же оказался заложником своего слова. Кстати, в командных состязаниях наша сборная саблистов стала чемпионом в Вене. Но в полуфинале мы встречались с Венгрией за вход в финал. Из-за нехватки времени идут два последних боя. На одной дорожке фехтует тот самый Назлымов, я – на другой дорожке. Я вёл 4-0. Вижу краем глаза, что Назлымов проигрывает, уверенный, что я выиграю, значит, мы всё равно в финале, а ему напрягаться не надо. И тогда я решил, что он должен ответить за свои трюки в личных состязаниях. Ему надо «помучиться». Я делаю счёт 4:1, 2, 3...4. Помню, Назлымов был красный, как рак. Понял, что это ему – ответ. Я потом свой бой, конечно, выиграл. Но то была такая маленькая гадость, которая имела место, так скажем. Всё закончилось хорошо. Наша команда получила в Вене золото. И на следующий день мы улетели в Москву...

– То есть, ты со своим Сальери играл в эти игры: угрожал писать докладную в ЦК КПСС о том, что наш советский спортсмен предал своего товарища и отдал бой, наказывал таким способом кого-то на дорожке?

– Да, приходилось. А куда деваться? При этом в жизни я придерживался своих правил. Сайчук уговаривал меня промолчать. Назначил цену, пообещав за молчание пробить выезд моего тренера, числившегося невыездным, на Олимпиаду-1972. Я на этих условиях согласился не оглашать этот факт. И своё слово сдержал. А они нет. Но речь сейчас о другом. Закончив состязания, нас, саблистов как-то уж слишком поспешно в тот же день отправили в Москву. Со шпажистами же, как мне впоследствии рассказали, вышло иначе: личные состязания в шпаге выиграл мой товарищ Григорий Крисс. Когда же на следующий день начались командные состязания, Криссу, который уже начал первый бой, даже не дали переодеться и вместе с главным тренером Сайчуком впихнули в посольскую машину и вывезли... в Братиславу. Крисса посадили в самолёт и тут же отправили в Москву. Сайчук в последний момент убедил сотруд-

ников КГБ оставить его при команде, за которую он отвечает. Его на той же машине отвезли обратно в Вену. А вот когда Крисса в защитном костюме прямо с фехтовальной дорожки с маской и шпагой в руках, не заезжая в гостиницу, уже доставили в Москву, мне позвонил ответственный секретарь федерации и сообщил: ты счастливчик, что тебя не привезли также; в КГБ, когда ты уже был в Москве, поступила информация, что кто-то из советской делегации с нерусской фамилией должен остаться в Вене, то есть стать невозвращенцем. Потому Крисса и, на всякий случай, Сайчука, было решено немедленно депортировать. С тебя подозрения сняты. Позже выяснилось, что КГБ перестраховалось: фехтовальная команда Эстонии поехала по обмену в Финляндию. И член команды, тот самый эстонец Ян Вянес, кандидат в сборную СССР, решил остаться на Западе. Надзиравшие за спортсменами сотрудники КГБ его пустили. Ну, и решили отыгаться на тех, кто был в Вене.

Эту историю, подчеркну ещё раз, Марк рассказывал мне в Вене-2018, вспоминая дешёвую гостиницу, консервы, сухую колбасу, которую привозили с собой, чтобы не тратить доллары.

– Ну, а что касается твоего рассказа про город Моцарта – очень интересно. Я услышал много нового. Ведь никому из спортсменов в те годы «холодной войны» не приходило в голову пойти погулять по Вене, что-то посмотреть. Мы понимали, что были под жестким надзором, под строгим контролем. Так что ни у кого из нас и желания познакомиться с достопримечательностями города Моцарта не возникало. Не было на это ни сил, ни эмоций...

Теперь вернёмся к биографии, к тому, что я выставил в «Сабле» в главе под названием «Школа жизни». Как складывалось мастерство *Моцарта фехтования*? Почему этот своеобразный талант – фехтовать не так, как все, проявился именно у паренька из московских Миусс? Может быть, детские годы предопределяли судьбу будущего чемпиона довольно странным образом. В школе Марк учился хорошо, но богатая фантазия, находчивость и даже дерзость, особенно после смерти матери, часто приводили к конфликтам. Он был резким и правдивым без разбору. В глаза говорил всё, что думает. И товарищам, и учителям. Это не могло нравиться последним. К тому же, он быстро вырос, мужал, первую папиросу, между прочим, выкурил, когда ему было семь лет. Рос физически крепким, вспыльчивым юношей. Да таким, что позже, уже на фехтовальной дорожке, пришлось учиться выдержке, сбалансированности, умению держать себя в руках.

Во время наших бесед я пробовал понять, испытывал ли Марк в жизни настоящий страх, знал ли это чувство, скажем, во дворе, во время драк с «серой коммуной» в конце сороковых годов – начале пятидесятых, или тогда, в Столешниковом переулке, когда сидел под машиной, попав в людской водоворот безумных толп, рванувших в Колонный зал. Ведь, как мне казалось, фехтовальщик, взявший в руки боевое оружие, должен быть начисто лишён чувства страха. Трудно представить трусливым человека, который в сознании тысячу раз проиграл возможность тяжёлого ранения или даже гибели. Да, современное фехтование отличается от дуэлей, когда человеческая жизнь оказывалась на кончике шпаги, рапиры или сабли. Сегодня туше в состязаниях на дорожке означает лишь символическую смерть. Тем не менее, бывали же трагические случаи, и со смертельным исходом. На чемпионате мира 1982 года в Риме погиб один из сильнейших в мире рапиристов Владимир Смирнов, киевлянин, чемпион Олимпийских игр, чемпион мира в личных соревнованиях. Во время боя с немецким спортсменом у них был встречный выпад, во время которого у соперника сломалась рапира. Её обломок пробил маску и через глаз нанёс травму мозга. Да, экипировка, надёжные маски, костюмы защищают спортсмена. Но ничего исключить нельзя. Самолеты, сверхнадежные, время от времени падают. На фехтовальной дорожке тоже случается всякое.

– И всё-таки, может ли фехтовальщик струсить, – допытывался я.

– Всякий нормальный человек, – сказал Марк, – испытывает страх. Только идиот – не трус. Человек, способный преодолеть свою трусость, становится героем.

Ответ куда умнее вопроса. Верно, конечно. В памяти всплыла повесть Юрия Трифонова «Старик», где трусость определялась, как «мгновенное затемнение сознания». Один из героев этой повести говорил, что у каждого человека бывают «секунды прожигающего насквозь, помрачающего разум страха. Но тут важно быть честным с собой. Должен быть суд собственной совести. Ведь момент трусости может стать пожизненной казнью...»

Марк с ранних лет успешно преодолевал страх. И не только на фехтовальной дорожке, а и в жизни, когда нужно было принимать тяжёлые решения, рисковать, защищая товарища. Он не боялся противопоставить себя всему коллективу. Однажды партийцы собрались исключать из своих рядов очень знаменитого олимпийца Евгения Гришина за злоупотребление спиртными напитками. Марк один выступил против всех:

– Исключив из партии такого заслуженного человека, вы добьёте его! Он потеряет работу, военное звание, должность, достоинство, заработок. Вы обрекаете его на полное забвение! Стоит подумать и о партии. Кто в ней останется, если из её рядов выгонять таких людей?

Конечно, за время своей тридцатилетней спортивной карьеры Марк не раз, как уже упоминалось ранее, сталкивался и с антисемитизмом, которым болела Система, и с завистью, и с несправедливостью. Но не дрогнул, не сломался ни в те годы, ни, когда был невыездным, ни на пике Перестройки, когда его выживали из родного клуба и спешили вытолкнуть на пенсию. Боролся за справедливость и побеждал, сохраняя достоинство.

...Однако, вернёмся в школьные годы. Впереди была целая жизнь, которая могла приносить неприятности. Марк же почему-то не замечал такой угрозы, развлекался, задирился, острил, не очень задумываясь о последствиях. Однажды на уроке литературы учитель, с вдохновением рассказывая о поэзии Лермонтова и гибели поэта, может быть, увлёкся и излишне эмоционально рисовал обстоятельства дуэли. Он с жаром описывал кавказские горы, склон и площадку, где стрелялись противники, закат солнца... Марк умело «подыгрывал» и с места подсказывал детали описания природы. Учитель, звали его Валентин Иванович, фронтовик, получивший в бою контузию, поначалу искренне принимал такое участие ученика, а затем вдруг спросил: ты что, был на Кавказе? Класс рассмеялся, и когда Марк сказал, что никогда там не был, учитель всё понял. Такого издевательства не выдержал, покраснел, сорвался на крик и выгнал «фигляра-клоуна» из класса...

Это был не первый случай. И директор при поддержке педсовета принял решение – не допускать дерзкого ученика к сдаче государственных экзаменов. Его исключили из школы за плохое поведение. Тут-то выяснилось, что получить аттестат зрелости можно было, лишь поступив в школу рабочей молодёжи. Но зачислить его в такую школу оснований никаких – ни по возрасту, ни по социальному положению.

Обычно отец не вмешивался в жизнь сына. На этот раз, с помощью руководства своего министерства, он добился приёма у министра образования. В виде исключения Марку разрешили поступить в вечернюю школу.

Так он оказался за партой рядом с ребятами и девушками, вдвое старше его. Собственно, это уже была школа жизни. Марк и сегодня помнит не только своих школьных друзей, но и учителей, особенно преподавателя русского языка и литературы Давида Марковича. На государственных экзаменах обстановка была иная. К ученикам относились, как к взрослым. Шутки, которые не проходили в обычной школе, принимались даже со стороны преподавателей. Это нравилось Марку. Он «подбил» друзей подшутить на экзамене по русскому языку и литературе. Любимому преподавателю в графин вместо воды налили водки. Экзамены шли своим чередом. Никто ничего не «замечал». А из графина поочерёдно наполняли свои стаканы все члены экзаменационной комиссии, включая представителя РОНО. Никто не поперхнулся, не закашлялся.

Марк окончил школу без троек и получил аттестат зрелости. На семейном совете отец предложил устроить сына слесарем на теплоэлектростанцию, чтобы получить необходимый

трудовой стаж, а затем поступать в энергетический институт. Но тут выяснилось, что у Марка был совсем другой план.

До прямого конфликта дело не дошло. Отец не стал досаждать повседневной опекой. Как полагает сегодня Марк, отец был прирожденно хорошим педагогом. Он интуитивно вёл себя правильно и лишь издали наблюдал, что у сына получается. Свой же скептицизм к увлечению сына фехтованием не скрывал все годы становления.

* * *

Не знаю, стало бы легче Марку в те годы принимать скептицизм отца, если бы он знал, что 17-летний Уинстон Черчилль столкнулся с тем же. Хотя его родители были куда состоятельнее. Вот что писал личный биограф Черчилля, историк Мартин Гилберт, с которым мне довелось познакомиться в его доме в Хэмстэде: «В первые месяцы 1892 г. Черчилль действительно очень усердно занимался. Он также начал готовиться к кубку школы по фехтованию. Продолжали досаждать денежные проблемы. «Я ужасно стеснен в финансах, – писал он матери в феврале. – Ты говоришь, что я никогда не пишу о любви, а всегда о деньгах. Наверное, ты права, но не забывай, что ты мой банкир, к кому еще я могу обратиться?» В марте леди Рэндольф уехала в Монте-Карло. До соревнований по фехтованию оставалось несколько дней. «Я очень раздосадован, что ты уехала в такой момент», – написал ей Черчилль. Еще больше его огорчило известие, что в казино у нее украли сумочку с деньгами – «как раз в тот момент, – признался он, – когда я был готов попросить *un peu plus d'argent*». Он поделился и хорошей новостью: «Я выиграл соревнование по фехтованию. Получил очень красивый кубок. Я был на голову сильнее всех. В финале не пропустил ни одного удара». Теперь Черчилль стал готовиться к межшкольному чемпионату по фехтованию, но, когда он попросил отца приехать в Олдершот посмотреть на него, лорд Рэндольф ответил: «Я должен быть на скачках в Сандауне. Кстати, ты не мог бы быть более расточительным, даже будучи миллионером». В свое оправдание Черчилль указал, что должен каждую неделю платить за чай, завтраки и за фрукты, а по субботам за вечерние бисквиты. Только на это уходил выделяемый родителями фунт в неделю. Объяснение не убедило мать. «У тебя слишком большие потребности, – написала она. – В смысле денег ты настоящее решето». Черчилль выиграл чемпионат по фехтованию среди частных школ. «Его успех, – отметили в газете «*Northonian*», – обусловлен главным образом быстрыми и разительными атаками, которые застигают врасплох его противников».

Глава IV. Выбор сделан

Перед тем, как вернуться к истокам чемпионского пути Марка, ещё пару слов об Уинстоне Черчилле, его родовитом сверстнике, столкнувшимся не только с полным пренебрежением родителей к фехтовальным амбициям 17-летнего отпрыска, но и с тем, что мальчик пережил в частных школах. Девять лет учебы в Сент-Джордже, Брайтоне и Харроу были в основном безрадостным временем, или, как он писал позже, «серой тропой на карте моего путешествия по жизни. Это была бесконечная череда тревог, которые тогда совсем не казались мелкими, и изнурительного труда, не радующего результатами. Это было время дискомфорта, ограничений и унылого однообразия. Все сверстники, казалось мне, были во всех смыслах гораздо лучше приспособлены к условиям нашего маленького мира. Они гораздо лучше успевали и в учебе, и в спорте. Не очень-то приятно чувствовать себя безнадежно отставшим в самом начале гонки». Впрочем, закончил эти жалобы Уинстон иначе: «Я целиком и полностью за частные школы, – объявил Черчилль в 1930 г., – но я не хотел бы оказаться там снова».

Кажется, Марк, как и все мы в те времена, никаких трудностей с частными школами не ощутил. Таких школ в СССР просто не было. Фехтованием Марк увлёкся задолго до того, как попал в вечернюю школу. Весной 1952 года он приехал на дачу в Востряково, и познакомился там с соседом, парнем старше Марка на пару лет. Звали его Виктор Гуськов. Отцы работали вместе, ребята одружились. Виктор показал Марку свою фехтовальную амуницию, пообещав взять на стадион «Буревестник». И однажды это произошло.

– Мне понравилось, – вспоминал Марк, – что вся команда болела за своего, когда каждый поочерёдно выходил на дорожку. Я был в восторге, что усилия каждого складываются во что-то единое. Видимо, мне не хватало в жизни именно этого чувства единения, теплоты, локтя товарища. Я это сразу увидел на фехтовальной дорожке. И осенью попросил зачислить меня в фехтовальную секцию. Начал со... штыка и очень скоро стал неплохим *штыкачём*.

Хотя про себя Марк сразу решил, что будет заниматься саблей. Только ради того, чтобы победить Виктора. Ему очень хотелось выиграть именно у него, доказать, что он сильнее. В первых же боях на фехтовальной дорожке изо всех сил бил противника оружием. Тогда Виктор объявил: «Пока не станешь перворазрядником, я с тобой фехтовать вообще не буду!». Вскоре Марк понял, что хотел сказать Виктор. И теперь разъяснял мне:

– Что значит – бить больно? Это зависит от техники спортсмена. Элегантность, а не сила удара ценится на дорожке. Но порой специально бьют больно, чтобы вывести соперника из себя. Тут важно не идти на провокацию. Если ты не идёшь на провокацию, ты побеждаешь. Хотя иногда я отвечал, давал достойный ответ. Это не совсем корректно, но это возможно. Иначе говоря, надо, несмотря на сильные удары, продолжать плести фехтовальную канву, не терять её от перевозбуждения. Это лучший ответ на грубую силу или на недостаточно высокий уровень соперника. Был в моей практике один спортсмен очень высокого класса. Иногда бил саблей больно! Ну, что ж, я терпел, но почти всегда побеждал его...

Первым тренером Ракиты был Лев Петрович Мацукевич. Человек героической биографии: он побывал в плену, трижды бежал и чудом избежал посадки в лагерь. Стал чемпионом СССР по фехтованию. Лев Петрович отметил в юноше любознательность и помогал сделать первые шаги будущему олимпийскому чемпиону. Тренер фехтовал на всех видах оружия – шпаге, рапире и сабле. Прежде чем окончательно выбрать саблю, Марк тоже попробовал все виды оружия. Лев Петрович позаботился, чтобы юноша получил общее представление о фехтовании. Он рассказывал и показывал новичку:

– В сабле и рапире есть три права – право атаки, право защиты и право выигрыша времени. В шпаге нет этих трёх прав. Есть только одно – право выигрыша времени. Бой – в пре-

делах ограниченного поля. Грубые действия оружием и столкновения вне правил пресекаются. Неэтичное поведение тоже.

Юношу захватывал сам ритуал начала поединка. Соперники салютуют друг другу и судьям поднятыми вверх клинками.

– Прэ? (*готовы?*) – спрашивает старший судья.

– Прэ! – отвечают бойцы.

– Алле! (*начинайте!*) – командует арбитр.

Схватки скоротечны, насыщены маневром и ложными действиями оружием. Кстати, об оружии. Марку пришлось освоить азы слесарного дела, чтобы учиться подгонять инвентарь. Это должен уметь делать сам спортсмен, наставлял Лев Петрович. Идеальное соответствие клинка потребностям бойца не может рассчитать ни один инженер. Надо придать клинку нужный изгиб, подкрутить гайку, выправить гарду, подобрать маску с удобным подбородником. Современный фехтовальный костюм защищает спортсмена, предохраняет от удара саблей. А удар может быть очень болезненным. Потому и с костюмом надо повозиться, подшить, подправить нагрудник.

Забегая вперёд, отметим: доводку оружия Марк практиковал в течение всей спортивной карьеры. Учиться было у кого: это скрупулёзно делал перед ответственными соревнованиями его тренер, Давид Тышлер. Позже, когда Марк стал тренером, и он возился с саблями Кровопускова, Бурцева, других своих воспитанников. Пока же за консультациями с подгонкой амуниции пылливый ученик обращался ко Льву Петровичу. Он знакомил Марка с устройством оружия, помогал усваивать правила тренировок. Терпеливо объяснял, в каких видах оружия, какие удары и уколы засчитываются. В сабле идут в зачёт удары в туловище, а также в руку и голову. Удары следует наносить раньше противника, опережая его возможное нападение. Опережение должно быть столь продолжительным, чтобы его успели зафиксировать не только судьи, но и зрители, и тренеры. При ударах, нанесённых одновременно, а такое бывает, арбитр может отдать предпочтение спортсмену, начавшему нападение раньше или тому, кто парировал атаку, отбив своим клинком оружие противника и нанёсшему ответный удар. И только в шпаге допустимы взаимные одновременные нападения, которые засчитываются обоим соперникам.

Всё, чему учил тренер, Марк старательно осваивал на фехтовальной дорожке. Звон клинков, схватки противников, стремительные атаки окончательно захватили воображение впечатлительного юноши. Доспехи, оружие, костюмы снились ему ночами. Он уже мечтал о победах.

В те годы на мировой арене блистали фехтовальщики Венгрии. Венгры были ведущей командой мира. Имена Пала Ковача, Аладара Геревича, Рудольфа Карпати завораживали. Становление советской фехтовальной школы пятидесятых годов происходило под влиянием венгерских фехтовальщиков. В 1955 году, когда Марку едва исполнилось 17 лет, он записался на курсы ДОСААФ по изучению азбуки Морзе – чтобы по Дунаю сплавить на корабле в Венгрию и познакомиться с фехтовальной школой страны. Марк хотел попасть в армию только ради того, чтобы служить в Венгрии. На любых условиях он хотел оказаться в Будапеште и получать там фехтовальные уроки...

Тут я спохватился: а ведь нынешним читателям надо объяснить намерение Марка попасть в армию, чтобы служить в Венгрии. По крайней мере напомнить, что Группа советских войск, кажется, находилась в Венгрии до самого 1991-го года. Возможность тогда служить за границей советскому юноше представлялось удачей. А вот внесло ли подавление восстания в Венгрии 1956 года какие-то коррективы в такие желания? Я помню соседа Мишу Лукинцева, который служил в танковых войсках и оказался в Будапеште. Вернулся оттуда осенью того же 1956-го года. Выходя во двор, не хотел рассказывать, что там произошло. Видимо, дал подписку при демобилизации. Ходил угрюмым, замкнутым.

У меня нет повода искать даже намёка на прозрение. Марк не испытывал никаких колебаний. Окружение, увлечённость спортом не оставляли зазоров, чтобы в чём-то сомневаться.

Всё было ясно. Контрреволюция, которую Советский Союз обязан подавить. А введение войск, уличные бои в Будапеште, об этом мы мало что знали. Цензура была жёсткой. Я попробовал вспомнить себя в 17 лет у приёмника, ловящего иностранные голоса. Ничего такого не было в моей биографии тех лет, как и у Марка. Мы строили свою жизнь в рамках той системы, в которой родились и жили. В бараке никакого приёмника у нас в семье не было. Тарелка радио висела на стене над кроватью. Оттуда голосом Левитана сообщалось то, что происходило в августе 1956-го. Тем не менее, я спросил Марка, был ли у них в семье приёмник, слушали ли родители *вражьи* голоса. Нет, конечно, отвечал Марк, всем и так всё понятно – мы венграм помогали, а они ответили на нашу помощь контрреволюцией.

Да, нам было по 17-18 лет. Выставлять в этом возрасте себя инакомыслящими сегодня, когда нам за 80 – глупость высокомерная и чушь несусветная. Но вот выясняется, что каталог о тогдашних протестах в 43 регионах Советского Союза и 13 республиках – на уровне разговоров и ругани, включает почти 250 человек. Социальный состав протестовавших разнородный – рабочие, интеллигенция, школьные учителя, журналисты, студенты... Формы протеста были разнообразными – листовки, стихи, публицистические статьи (распространявшиеся в молодежных кружках и еще не ставшие самиздатом), записи в дневниках, частные письма и письма в советские государственные и партийные органы (и, разумеется, в редакции газет). Демонстрации были только одиночными. Я прошёлся по этому списку, выставленному в интернете. И к своему удивлению нашёл десяток наших с Марком сверстников – в Кирове, Ленинграде, Литве, Тбилиси, Ярославле, Дмитрове (Московской области). Все они были осуждены на разные сроки и отправлены в лагеря. Их обвиняли не только за протесты и осуждение подавления восстания в Венгрии, с требованием вывода советских войск из Венгрии, но и за систематическое прослушивание иностранных радиостанций...

Не надеясь на свою осведомленность и умение быстро найти то, что мне надо, я обратился за помощью к А., человеку сведущему – в самом деле, прав ли мой друг, полагая и сегодня, что Советский Союз помогал Венгрии. На следующий день А. прислала мне ответ: «Про Венгрию – думаю, Ваш герой имеет в виду «политическую» помощь: выгнали немцев, установили «правильное» правительство, создавали «правильные» структуры и институты власти, поддерживая их вооруженной силой. Но в Википедии утверждается также, что жизненный уровень в Венгрии в послевоенный период стремительно падал: «Экономическая ситуация в стране осложнялась тем, что Венгрия как союзник Германии по Второй мировой войне была обязана несколько лет выплачивать СССР, ЧССР и Югославии контрибуцию, иногда доходившую до четверти национального продукта». Свои рассуждения о причинах восстания в 1956-м А. заключила энергичной фразой: «В общем, не с жиру взбесились товарищи венгры».

Ну, а дальше я уж сам нашёл много любопытного. И про выборы в ноябре 1945-го, когда коалиция коммунистов и социал-демократов, оказавшись в меньшинстве, при... поддержке советских войск заняла ключевые посты в правительстве. И про Ференца Надя, премьер-министра Венгрии, который поехал с визитом в Швейцарию и в виде протеста там остался, сложив с себя полномочия лидера страны. И про новые выборы в 1947-м году, которые коммунисты провели при поддержке советских войск, арестовав перед тем всех лидеров оппозиции. В 1949-м провели парламентские выборы, после чего появилась Венгерская Народная Республика. Ну, и так далее...

Важно подметить, что в 1952-м реальная заработная плата рабочих и служащих была на 20 процентов, а доходы крестьян – на одну треть ниже, чем в 1949-м. Провалы планов индустриализации вызвали недовольство. После смерти Сталина венгры попробовали выправить ситуацию: новый лидер Имре Надь прекратил строительство множества крупных промышленных объектов. Капиталовложения были направлены на развитие лёгкой и пищевой промышленности, было ослаблено давление на сельское хозяйство, снижены цены на продукты и тарифы для населения. Но в апреле 1955-го Ракоши решил продолжить сталинский курс.

Это вызвало недовольство венгров. 14 же мая 1955 года социалистические страны заключили Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, что продлило пребывание советских войск в ВНР. Так что полагать, что с «жиру сбесились венгры» могла только советская пропаганда. Мы и были её жертвами в Советском Союзе.

Впрочем, позже в результате реформ Венгрию представляли уже как «самый весёлый барак в социалистическом лагере». И не только потому, что с конца 60-х – начала 70-х там была введена либеральная цензура и разрешён свободный выезд за границу всем гражданам. Венгрия стала лидером в фармацевтической промышленности, производила прекрасные телевизоры, холодильники, автобусы, грузовики. Она занимала первое место в Европе по производству пшеницы и мяса на душу населения...

Всё это произошло совсем не потому, что СССР помогал братскому венгерскому народу, а вопреки. По крайней мере, у меня в памяти Венгрия с её лидером Яношем Кадаром середины и конца 1960-х годов связывалась именно со свободой и экономическими достижениями. Я учился на журфаке в университете, когда одна из наших сокурсниц вышла замуж за венгра. Она переселилась к нему в Будапешт, часто приезжала в Москву и привозила для наших жён то, что называлось «импортными тряпками». Мы дружили, жёны покупали обновки. Я просто мечтал когда-нибудь поехать в Будапешт. Но сумел осуществить эту мечту лишь в середине 90-х. Денег на гостиницу у меня не было. Приехал к этой паре. Муж был явно недоволен, поселив меня на несколько дней в их квартире. Я располагался на первом этаже, а он в середине ночи спускался со второго этажа и устраивался в огромном кресле... в той же комнате. Ссылался на мигрень: мол, должен спать сидя. Когда же вёз меня назад в аэропорт, дал понять, что если и соберётся в Лондон, то у них есть, где остановиться. С тех пор мы не переписывались, не разговаривали, не виделись. Напугал я мужа своим визитом. Ну, а себе сказал раз и навсегда – останавливаться надо в гостинице. И не портить отношения с друзьями...

Больше в Будапеште я не был. И вот, спустя почти четверть века, когда Марк сказал, что едет на чемпионат мира по фехтованию-2019, мне захотелось туда. Совсем не ради того, чтобы встретить бывших друзей. Повод совсем другой. Мне нужно было почувствовать атмосферу нынешней Венгрии. И попробовать понять Марка, который вдруг вспомнил:

– А ведь мои мечты попасть в Венгрию через армию или ДОСААФ осуществились, но иначе. Впервые я приехал в Будапешт в 1961 году на Спартакиаду дружественных армий в составе сборной ЦСКА. Жили в гостинице на острове Маргит, который расположен посередине Дуная в центре Будапешта. Мосты через этот остров соединяют две части венгерской столицы – Буду и Пешт. Каждое утро с этого острова мы отправлялись тренироваться на спортивную базу. И там впервые я мог получать уроки венгерского фехтования, о чём так мечтал в 1955-м...

Марк, конечно, приезжал в Будапешт после того, как завершил спортивную карьеру в ранге олимпийского и мирового чемпиона. Привозил своих учеников, будучи тренером, на состязания. Любопытно, что в спортивной карьере *Моцарта фехтования* всё-таки, в первую очередь, остаётся в памяти бой с замечательным венгерским спортсменом Золтаном Хорватом в 1962-м в Буэнос-Айресе на чемпионате мира. Во время командной встречи он нанёс Золтану очень элегантный удар снизу. Венгр на дорожке фехтовальную фразу не «признал». Но потом после соревнований, став в личном зачёте чемпионом мира, подошёл к Марку и сказал, что это был незаурядный удар, который я, мол, про себя отметил. Такое признание вообще-то можно было принять за сигнал – элита мирового фехтования готова принять Марка в свой избранный круг.

– Ничего удивительного, что такие эпизоды не исчезают из моей памяти. Золтан этим своим дружеским шагом тогда, – вспоминает сегодня Марк, – поднял самооценку меня, новичка, только-только начавшего восхождение на фехтовальный Олимп. Золтан мой не исчез

за эти годы с горизонта. Он будет, надеюсь, на чемпионате мира 2019-го. Так же, как и ещё один яркий в прошлом фехтовальщик, рапирист Енэ Камути...

Увы, моя поездка в этот город на Чемпионат мира-2019 так и не случилась. А Марк рассказал:

– Вылетел в Будапешт ранним утром 14 июля из Шереметьева. В салоне самолёта среди пассажиров приглашённые на чемпионат гости, спортсмены, предстартовое возбуждение, гул. А я сижу у иллюминатора и вспоминаю мою юношескую мечту оказаться в Венгрии. Она осуществилась в 1961-м. Тогда меня включили в состав армейской команды и отправили в Будапешт на состязания дружественных армий стран Варшавского договора. Теперь спустя почти 60 лет нет ни Варшавского договора, ни дружественных армий. Но осталась спортивная дружба фехтовальщиков моего поколения. Больше в памяти. Лёту два с лишним часа. И вот уже аэропорт. Паспортный контроль. Забавно, что всего пару дней назад обнаружилось, что в моём паспорте не осталось чистых страниц. Всего за сутки мне поменяли паспорт, поставили Шенген-визу. Я на площади перед аэропортом. Жара под 30. Автобус. По улицам Будапешта наш автобус движется медленно. Нас везут в гостиницу «Арена». Рядом знаменитый спортивный комплекс и зал, где 10 дней будут встречаться на дорожках лучшие фехтовальщики мира. Я займу место на трибуне. Буду сдерживать эмоции, иногда точно предсказывать то, что произойдёт на фехтовальной дорожке. То игра самого с собой. Но время от времени подключаюсь к коллегам. И выступаю в роли оракула...

Конечно, тут я увидел не только моего товарища с Украины Григория Крисса, но и моих старых венгерских друзей-соперников, например, Енэ Камути, Питера Баконьи... С Енэ мы не раз вместе заглядывали в Будапештскую синагогу, кстати, самую большую в Европе... Питера же я однажды полвека назад спросил напрямую: говорят, что ты еврей? Он тогда ответил – нет. Наверное, неслучайно. В Венгрии к евреям отношение было настороженное...

– Ну, Питер твой мог бы ответить как герой одной из моих книг, потомок Рюриковичей в 34-м колене, князь Никита Лобанов-Ростовский, когда я сказал, что на одном из фото он похож на еврея: я, мол, был бы счастлив быть причастным к этому роду умных и сообразительных...

Вопрос, заданный Питеру, лишь на первый взгляд кажется странным. У еврейских спортсменов в Венгрии много побед в фехтовании, особенно на саблях. Я заглянул в историю и увидел часто мелькавшие фамилии Е. Фукса, Э. Кабоша... Венгерская команда сабlistов, не раз побеждавшая на Олимпиадах, почти полностью состояла из евреев: те же Фукс и Кабош плюс О. Герде, Л. Веркнер, З. Шенкер, Ш. Гомбош, А. Печауэр... Удивительную страницу в женское фехтование Венгрии вписала Илона Элек, её вторая фамилия Шахерер. На Олимпиаде в Берлине в 1936 году, когда к власти уже пришёл антисемитский нацистский режим, Илона победила немецкую еврейку Хелен Майер и, став чемпионкой, получила золотую медаль. Серебро досталось Хелен. Мало того, бронзу за третье место на олимпийском пьедестале вручили еврейке из Вены австрийской фехтовальщице Эллен Прайс. Это был специфический «подарок» Гитлеру, который ждал на той Олимпиаде победы арийского духа. Остаётся добавить, что у Илоны была младшая сестра Маргарет Элек, которая тоже была чемпионкой мира в составе команды фехтовальщиц Венгрии.

– Сёстры Элек, дожившие до конца 1980-х – уникальный пример и спортивного долголетия, – заметил Марк. – Илона выступала в команде и стала чемпионкой, кажется, в 48 лет... Я их видел в Будапеште, когда приезжал на соревнования. Меня однажды познакомили с ними. Две тогда уже очень пожилые женщины с палочками, они сидели на трибуне вместе. И, как выяснилось позже, с почтением относились ко мне. В особенности Илона, абсолютно элитарная фехтовальщица в прошлом. Конечно, она понимала, кто я такой, если на её глазах побеждал таких грандов венгерского фехтования как Хорват, Пежа, Марот, Баконьи... Ну, а в целом, ты прав, в Венгрии и тогда, до войны, да и сегодня фехтованием чаще занимается элита обще-

ства. Кстати, оба мои друга, и Питер, и Енэ – доктора наук. Енэ стал крупным специалистом в такой сложной и востребованной области медицины, как гастроэнтерология...

В дни чемпионата Будапешт-2019 я нашёл в ютубе интервью главного тренера сборной России И. Мамедова, который рассказывал про этот чемпионат мира в преддверии Олимпиады на российском канале «Вести». В Будапеште опробована новая система проведения чемпионата. Слишком много участников, особенно из Европы. Конкуренция огромная. Потому предварительные состязания проводятся до официального открытия чемпионата. К этому дню число участников сократилось до 64. Они ведут бои на 15 уколов с прямым выбыванием проигравшего. И так до финала, где за первое место встречаются два победителя...

Позже мы с Марком обсудили плюсы и минусы этой системы. И почему её пришлось ввести. Забегая вперёд, скажу: в сумме всех видов фехтования национальная команда России на чемпионате мира в Будапеште по общим показателям оказалась на первом месте. Но в деталях проходившего чемпионата я довольствовался комментариями Марка по горячим следам: в восьмёрку из саблистов попал только один молодой спортсмен. Все остальные выбыли. Когда мужская команда саблистов проиграла и оказалась пятой, Марк не стал скрывать своего разочарования и в разговоре с комиссаром соревнований заметил, что вина за проигрыш саблистов лежит на тренере Бауэре. Тот проходил мимо и попросил повторить сказанное. Марк повторил... Там же в Будапеште, он пояснил свою позицию уже руководству Федерации фехтования:

– Кристиан Бауэр работает у нас 10 лет. Каждый год он в свои руки получает из числа юниоров – четырёх лучших девочек и четырёх лучших мальчиков. И где же эта армия подающих надежды, числом в 80 человек? Мы, тренеры, в прежние времена, помню, из средненьких спортсменов делали выдающихся. А здесь что? Бауэр, отбирая юные дарования, сам не в состоянии давать им всем ежедневные индивидуальные уроки. Но при этом намеренно исключает из системы подготовки личных тренеров отобранных юниоров. В результате уровень мастерства дарований быстро падает. Бауэр, по сути, провоцирует огромный процент отсева. В подобных условиях гиганты не появляются. Причина такого положения – непомерные личные, прямо наполеоновские амбиции французского специалиста. Похоже, он боится конкуренции со стороны наших молодых тренеров...

Сказал, как припечатал. А спустя месяц Марк сообщит мне: «Наполеона отправили в отставку...»

Значит, и в тот раз услышали мнение *Моцарта фехтования*, находящегося уже в весьма почтенном возрасте. Хороший знак. Впрочем, нет причин отвлекаться от событий чемпионата мира в Будапеште. На отборочных состязаниях *женская шпага* принесла мало чего утешительного российским спортсменам. Но в командных соревнованиях российские шпажистки вышли в финал с китайками. Они проиграли всего один укол и завоевали серебро. Мужская команда россиян-шпажистов осталась без наград. Рапиристка Инна Дериглазова стала чемпионкой мира в индивидуальных соревнованиях, а шпажист Сергей Бида – серебряным призёром. Саблистка Софья Великая тоже завоевала серебряную медаль в личном зачёте... Проиграла в финале китайке всего один укол. В последний же день чемпионата женская команда России, которую она возглавила, боролась за высшее место на пьедестале почёта. И получилось. Команда саблисток стала золотым призёром. Вечером по скайпу из Лондона мне удалось найти её, счастливую, милую, общительную и задать ей пару простых вопросов.

– Во-первых, поздравляю Вас. Скажите, Соня, как Вам удалось стать чемпионкой мира в Будапеште сразу после рождения дочери Зои? Ведь вы также быстро, кажется, восстановились пару лет назад и после рождения сына Олега? Как это происходит?

– Спасибо. Я очень счастлива, что у меня хватает эмоций и на семью, и на детей, и на фехтование. Наверное, какие-то высшие силы мне помогают (*смеётся*). Хотя не могу сказать, что всё происходит просто...

– Прерву вас, а давно вы знаете героя моей книги? И что для вас означает присутствие Марка Ракиты последние десять лет на всех чемпионатах Европы, мира, олимпиадах?

– Марк Семёнович – великий тренер. Он идёт в ногу со временем, душой чувствует новые веяния в фехтовании. И это важно не только для молодых тренеров, которых он наставляет, но и для нас, членов национальной сборной команды. Я лично сразу не очень понимала и принимала его колкости, даже сарказм. Но как только почувствовала, что со своими специфическими шутками в тяжелейший момент он пробует переключить меня, помочь мне справиться с волнением, пережить неудачу, забыть поражение, настроиться на победу, всё изменилось. Это произошло почти в самом начале моего спортивного пути. Одна его фраза, порой, брошенная мимоходом, мне достаточна, чтобы обрести уверенность в себе. Я ему очень доверяю. Не так давно подошла к нему и произнесла буквально вот эту фразу: «Марк Семёнович, если вы считаете, что после рождения дочери мне надо уйти из большого спорта, я уйду». И я была готова уйти на самом деле. Но тут он сказал такое (не буду раскрываться), что я поверила в себя. И вот...

– В самом деле, вы, мать двоих маленьких детей, и стали чемпионкой мира! Вы уникальная и по характеру, и по фамилии – Софья Великая! Мне очень повезло, что в этот день 23 июля я смог увидеть вас по скайпу в Будапеште и кратко, но так содержательно побеседовать с вами. Спасибо.

Во время чемпионата мира мы поддерживали связь по интернету всю неделю, пока Марк был в столице Венгрии. Для вкладки в книгу он прислал фотографию со старым товарищем, венгром. Я спросил его: почему ты в кепке с надписью «Россия». Марк достойно ответил:

– Чтобы ты знал. Я горжусь страной, которая мне много дала. И отняла тоже много. Но негатив уходит со временем, а добро остаётся. Я не стесняюсь, что представляю великую страну. Со всеми её достоинствами и недостатками. Главное сохранить при этом свою чистоту и правду!

В Будапеште Марк отметил свой день рождения. Так удачно всё сложилось. Он сообщил, что среди поздравивших были и те самые венгерские подруги наших жён, родные сёстры Ильди и Ици (в замужестве Печи и Мадьяроши), которые приезжали в Москву тогда, в конце 60-х – начале 70-х...

...Теперь снова вернусь на полвека назад. В феврале 1958-го из спортивного общества «Буревестник» выделилось новое общество «Труд», куда перевели всех, кто не являлся студентом. Лев Петрович Мацукевич решил перейти в «Труд», и, конечно, хотел бы забрать Марка с собой. Но он уже знал, что тот хочет попасть в ЦСКА, где в то время тренировались сильнейшие саблисты страны – Лев Кузнецов, Давид Тышлер, Умяр Мавлиханов. На соревнованиях юниоров Марка заметил тренер армейского клуба Генрих Жанович Булгаков. И в сентябре того же года Ракита перешёл в ЦСКА.

– Отпустил меня Лев Петрович с лёгким сердцем, – вспоминает Марк. – Я многому научился у первого тренера и благодарен ему. Кстати, перед уходом из «Буревестника» я всё-таки выиграл бой у Виктора Гуськова. Мне уже было 19 лет и фехтовал я с ним не как первоурядник, а как мастер спорта СССР.

Марк покинул «Буревестник» уже достаточно сильным саблистом. Над его манерой фехтовать посмеивались, но признавали, что драться с ним всегда очень трудно. Булгакову понравился этот парень упорством: он уже поднялся во взрослых соревнованиях выше всех юниоров, но его почему-то не приглашали на сборы юношеской команды страны не только в качестве претендента на основной состав, но и в качестве спарринг-партнера. А он не подавал вида, что огорчён, не жаловался, не ловчил, чтобы заметили, сохранял достоинство. Может, потому Булгаков, хотя и был перегружен, взял под опеку Марка. И даже помог с первой работой в клубе ЦСКА. На Комсомольском проспекте располагалась одна из спортивных баз армейцев. Туда и определили новичка. Стипендию ему дать не могли, ещё не было результатов. А потому

сделали инструктором по выдаче спортивного инвентаря с зарплатой 41 рубль в месяц. Марк приходил в девять часов утра. Зал был для всех спортсменов один. Вначале там тренировались волейболисты. Инструктор ставил сетки, приносил волейбольные мячи. На втором этаже, на балкончике занимались фехтовальщики. Когда же волейболисты заканчивали, в зал перемещались боксёры и фехтовальщики. И тут уж Марк использовал все возможности на сто процентов. Он готов был драться с любым, кто этого пожелает. Принимал участие во всех соревнованиях, в каких мог. И весьма успешно. Его замечали, но и только. В сборную команду зачислять не торопились. Он изводил себя тренировками без всякой меры. И перетренировался. Врачебный осмотр показал истощение организма. Требовался отдых, усиленное питание, витамины. Жил Марк в тот период трудно. В дополнение к зарплате получал от отца 30 рублей. Этого едва хватало на еду и на проезд в метро. Занятия пришлось приостановить на два месяца.

Это был очень тяжёлый период. Несколько недель ходил потерянный, обескураженный и совершенно без сил. Но это был урок: к своему физическому состоянию он сам должен относиться очень серьёзно. Конечно, так случилось потому, что Марк не имел достаточного присмотра со стороны тренера. Булгаков был слишком загружен, чтобы постоянно находиться рядом.

С трудом восстановившись, он снова увлечённо тренировался, вопреки реальности, которая всё ещё была жестокой. По-прежнему Марку отказывали в фехтовальном таланте. По юношеским результатам в клубе он стал сильнейшим в стране. Но на первенство мира среди юниоров его не взяли. Перевели лишь в инструкторы с зарплатой 71 рубль в месяц. Кстати, когда он похвастался повышением в зарплате перед отцом, тот вдруг сказал: «Очень рад за тебя. Теперь я могу не доплачивать тебе 30 рублей».

И в клубе, после «повышения», его продолжали откровенно придерживать. Было от чего впасть в отчаяние. Мечты о высших достижениях уже могли показаться ему недостижимыми. Но опять выяснилось, что он обладал устойчивой психикой. И прежде всего, это почувствовал и оценил Давид Тышлер, который в то время ещё фехтовал. Ракита стал его постоянным партнёром на тренировках. Во-первых, потому что был на ранг ниже, а это позволяло Тышлеру отрабатывать те приемы, которые он, Тышлер, хотел. Во-вторых, потому что, сопротивлялся Ракита до конца и хитроумно. Фехтовать с таким партнёром всегда интересно. Оба получали от боёв всё больше и больше. Становилось очевидным, что у этой фехтовальной пары есть будущее... И тут случилось невероятное.

Вспоминает Давид Тышлер¹:

«Марку исполнилось 23 года. Его продолжал тренировать мой друг Генрих Булгаков. Однажды он подошёл ко мне и стал обсуждать мнение многих специалистов: «С фехтовальной точки зрения Ракита – слишком «медленный». Достаточный ли у него потенциал, чтобы стать спортсменом мирового класса? Я возразил Генриху: верно, медленный, но наши сильнейшие фехтовальщики дерутся с ним тяжело и нередко проигрывают. А то, что я у него выигрываю чаще других, легко объяснить. Я тоже, как ты знаешь, «не из быстрых». И тогда Генрих спросил, а ты взялся бы его тренировать. Конечно, ответил я, но у вас хорошо получается. За три года он заметно прибавил. «Тогда я тебе его дарю!», сказал Генрих. Я чувствую, что из вашего союза будет толк. Это, во-первых. А во-вторых, я же в последние годы переквалифицировался на шпагу».

Так, из спарринг-партнёра Ракита официально превратился в ученика Тышлера. К тому времени Марк по силам входил в десятку сильнейших фехтовальщиков страны. Да, он весьма успешно дрался с тогдашними лидерами сборной. Он выигрывал у них чаще, чем проигрывал. Выигрывал, вопреки судьям, подчас произвольно помогавшим именитым спортсменам. Электро-фиксации ударов тогда в сабле ещё не было. В Италии только-только состоялись два

---

¹ Здесь и далее из книги Д. Тышлера «Вашу саблю, маэстро!», Москва, 2004 год.

пробных турнира саблистов, в которых испытали первые электрические фиксаторы. Предстояло ещё много поработать, чтобы внедрить их в практику сабельных соревнований. Но сделаться Раките сильнейшим, вероятно, уже ничто не могло помешать. Впрочем, не совсем так. Ключевой вопрос – о личности тренера в судьбе спортсмена я в наших беседах в Фарнборо, конечно, задал.

* * *

Прежде чем идти в гостиницу к Марку, набросал десятка два вопросов – о личности тренера. Эти вопросы я виртуально проецировал на опыт Давида Тышлера, человека незаурядного, в первую очередь потому, что он сумел сделать чемпиона именно из моего героя, со всеми его достоинствами и недостатками – в характере, воспитании, среде, в которой обитал. В большинстве своём вопросы дилетантские (а какие они могут быть ещё, если их задаёт человек, далёкий от профессионального спорта). Можно ли без тренера стать чемпионом? Тренер должен быть патриотом? Тренер обязательно должен быть сначала спортсменом? Ну, и вообще, кто такой тренер?

Разговор этот я намеренно затеваю именно в этой главе, потому что меня интересует не личность тренера вообще, а в лице Давида Тышлера. Впрочем, нелишне тут упомянуть, как это слово определяет *викитедия*. Оно происходит от английского *trainer, train* «воспитывать, обучать». Ещё точнее, речь о человеке, который профессионально занимается тренировкой кого-либо – спортсмена или... прирученного животного. Тут меня зацепила мысль – а может быть, тренер приручает спортсмена? То есть, воспитывает его и, в конце концов, навязывает ему свои представления обо всём, в первую очередь, конечно, о том, как стать победителем?

С другой стороны, влияние может быть и опосредованным. Скажем, Станислав Поздняков, нынешний руководитель Олимпийского комитета России, в прошлом четырёхкратный олимпийский чемпион по фехтованию, признавался, что ему очень повезло встретиться на своём спортивном пути с Марком Ракитой. Только Марк никогда не был его тренером. Станиславу, как он признаёт, просто нравилась манера поведения Марка на фехтовальной дорожке. И он пытался повторять то, что тот делал.

– Спортсмен, попавший к тренеру, – объяснял свой взгляд Марк, – как драгоценный камень-самородок, который нуждается в огранке, шлифовке. Иначе чемпиона не сделать. Есть тренеры, которые не включают в эту работу спортсмена. Есть тренеры, которые делают эту работу вместе со спортсменом. Кстати, однажды мне пришлось объясняться с будущим тренером Станислава Позднякова. Это случилось при довольно необычных обстоятельствах. В самом начале своей карьеры этот молодой тренер вдруг решил... записывать всё, что услышит на моих уроках с В. Кровопусковым. Обычно мы с моим учеником уходили в отдельный зал. И вдруг, вижу, в углу сидит молодой человек и что-то лихорадочно записывает за мной. Ну-ну! После урока подхожу и объясняю: бесполезная работа – я даю серию задач ученику и лишь в комплексе тот понимает, к чему я веду; это очень индивидуально – выстраивать такую серию; и лучше спросить меня, чем записывать хаотически. Ничего такие записи не дадут без моих пояснений. Это был известный впоследствии тренер Писецкий Борис Леонидович, воспитавший олимпийского чемпиона Станислава Позднякова. Оказалось, что и он помнит тот эпизод. Вместе недавно посмеялись, вспоминая...

– Должен ли быть тренер личностью?

– Несомненно. Но главное, он должен быть, как специалист, на несколько голов выше своего ученика. Да, спортсмен догоняет тренера и отношения между ними меняются. Но недопустимо, если спортсмен перерастает тренера.

– Тренер национальной команды должен быть патриотом?

– Твой вопрос некорректный. Если наняли иностранного тренера, он не может быть патриотом. Задача тренера другая – научить спортсмена побеждать в том виде, в котором он тренирует, сделать из него непобедимого, совершенствовать мастерство. И команда, которую он тренирует, должна побеждать. Попутно можно включать в систему управления тренировками и проблемы отношения к родине, то есть любви к родине. Но это не самоцель.

– Значит, скажем, победитель стоит на пьедестале, слушает и поёт гимн своей страны – это не результат воспитания его патриотом? Ты, слушая гимн СССР, плакал?

– Конечно. И плакал. И гордился этим гимном, как патриот. Но тренер этим не занимается. Тренер этому не учит. Хотя, скажем, занятия в американских школах начинаются с того, что каждое утро поют гимн Америки. Я в этом ничего плохого не вижу.

– Да я тоже. Более того, думаю, когда спортсмен плачет на пьедестале почета и слушает гимн своей страны – это эмоции, а не признак патриотизма. Другое дело, моё отношение к гимну Советского Союза. Я гимн слушать не могу. С этой мелодией я вспоминаю то, что хотел бы забыть, скажем так. Я уверен, с таким прошлым страна должна поменять гимн, как это пробовали сделать во времена Ельцина. Что же касается американских школьников, то да, они могут гордиться гимном и петь его такой стране, как Америка...

– Твой вопрос, обязательно ли должен быть тренер в прошлом спортсменом? Желательно. Выдающийся тренер не появляется ниоткуда. Но очень редко выдающийся спортсмен становится выдающимся тренером. Есть два направления превращения спортсмена в тренера. Первый – использование административного ресурса. Но есть и другой – выдающийся спортсмен со своим уровнем притязаний, понимая, что добиться высоких результатов ему помогли тренер, коллектив, медицинская база, материальная, на него работала вся страна, готов трансформировать свою личность. Став тренером, такой спортсмен сознательно понижает свой статус и соглашается работать на кого-то, стать частью большого коллектива. И если ты обладаешь достаточными знаниями, владеешь методиками, ты можешь стать большим тренером. Хотя, повторюсь, очень редко большие спортсмены становятся большими тренерами.

Глава V. Чемпион Советского Союза

До того, как Ракита официально обрёл нового тренера в лице Давида Тышлера, между ними уже сложились отношения, основанные на внутренней связи и глубоком взаимном уважении. Ракита видел в Тышлере умного соперника, у которого, кстати, он так и не смог тогда выиграть, хотя выигрывал уже частенько у сильнейших фехтовальщиков того времени – Якова Рыльского и Льва Кузнецова. Тышлер же ценил Ракиту за то, что тот отчаянно боролся за каждый удар, быстро собирал информацию о сопернике, хорошо «считал» варианты и предугадывал следующий его ход, а часто и вынуждал сделать именно этот ход, имея в ответ готовый контрприём. Кроме умения быстро анализировать и принимать верное решение, Ракита отличался исключительной смелостью в исполнении любого приема.

Тышлер перешёл на тренерскую работу и задумал создать систему спортивных тренировок. У него были достаточно большие знания в области теории фехтования: сразу после окончания Московского института физкультуры Давид работал преподавателем в этом вузе, оставаясь одновременно членом сборной команды страны. Вся предыдущая литература, а такой за 500 лет существования фехтования накопилось немало, давала, на взгляд молодого учёного, неверные установки, устаревшие представления о том, как определять и распознавать талант большого спортсмена. Решающую роль в становлении молодого учёного сыграли работы одного из лучших фехтовальщиков СССР 30-х и 40-х годов, теоретика спорта Виталия Андреевича Аркадьева. Он первым взялся помочь тренерам в подготовке фехтовальщиков высокого класса. Им была разработана такая методика, которая позволяла сразу давать ученику мастерские «номера», переместив центр тяжести с общепринятых приёмов атаки, сосредотачивала внимание на расширении набора технических навыков. При этом Аркадьев улавливал важнейшие тенденции развития мирового фехтования того времени.

Можно смело сказать, что своими исследованиями Аркадьев дал направление поискам Давида Тышлера. Молодой тренер ставил на Марке эксперименты, пересматривая устоявшиеся критерии. Суть же экспериментов заключалась в том, что ни Ракита, ни сам Тышлер не соответствовали бытовавшим тогда представлениям о сильном саблисте. Ни тот, ни другой не отличались на фехтовальной дорожке ни лёгкостью, ни прыгучестью, ни быстротой в перемещениях. Марк казался ещё тяжелее Тышлера.

По всем критериям Марка признавали непригодным для фехтования. Именно поэтому эксперимент, который задумал Тышлер, был *чистый*. Если Раките удастся стать сильнейшим, это будет означать, что в системе тренировок тренер и ученик отыскали полноценную компенсацию недостатка природных качеств. Тышлер понял: решить эту задачу он сможет, если подберёт и приспособит к физическим данным Ракиты определенный боевой арсенал – систему технических и тактических приёмов. Если это удастся, Ракита с его природной медлительностью сможет подняться очень высоко.

Меньше чем за год совместной работы с новым тренером Марк преобразился. Он выдержал большую физическую нагрузку. В результате, окрепли ноги, улучшилась техника передвижения на дорожке. Но, главное, он заметно прибавил в тактическом репертуаре. К тому же, выявились его преимущества в скорости мышления на дорожке, в умении концентрироваться и в необыкновенной устойчивости к внешним помехам.

Первой проверкой накопленного был чемпионат СССР 1962 года. Он проходил в Киеве. Перед началом первенства страны объективно Марк не уступал ни одному из сильнейших саблистов. Передвигаясь нарочито медленно, он всё чаще оказывался результативнее. Не обладая быстрым стартом от природы, он научился собираться, сосредотачиваться и, атакуя, в итоге достигал нужной скорости. Вместе с тренером они решили – всегда быть быстрым в бою ему просто нет нужды. Компенсация же – в быстроте мышления. Марк опережал соперников

именно в скорости процессов мышления и превращения рефлекторных сигналов в движение руки, держащей клинок.

... Тот чемпионат, наверное, был для спортсмена решающим в истории его восхождения. Обычно тренер ставил задачу перед началом турниров такого класса. И Тышлер это сделал, детально разобрав все шансы. Он утверждал, что объективно Марк способен стать чемпионом. Но судьи, скорее всего, к этому ещё не готовы. Поэтому рассчитывать на первое место преждевременно. А вот закрепиться в первой десятке – реально. И это будет трудно. Причина не в том, что Марк был слабее соперников. В разное время он выигрывал, практически, у всех. В финале же надо было победить всех в один день. Теоретически, как полагал Тышлер, его ученик мог это сделать. А вот практически?

Турнир решал всё и проходил в острейшей борьбе до самого последнего мгновения. Марк уверенно прошёл в полуфинал. Система того чемпионата была запутанной. Полуфинальные победы засчитывались в финале. Бой с Умяром Мавлихановым открывал путь в финал. Марк выигрывал у более именитого соперника и раньше. Но в том полуфинале могло случиться всякое. Умяр был неизмеримо более опытный боец. За его плечами – участие в трёх мировых чемпионатах и даже в олимпиаде. И тут сказалась психологическая устойчивость дебютанта. Судьи всё-таки решили, что Мавлиханов проиграл.

Ракита впервые попал в финал. Впрочем, система чемпионата складывалась так, что даже финальный бой в случае проигрыша опускал Марка куда-то в самый низ таблицы первой десятки. А это означало – надо будет начинать восхождение с самого конца десятки.

– Никогда не забуду, – вспоминает Марк, – наш бой с Яковом Рыльским. Я понимал: если выигрываю, то становлюсь чемпионом Советского Союза 1962 года. Рыльский пять раз завоёвывал звание чемпиона страны. И защищал это звание в шестой раз. Дрался он отчаянно. В судившей бой бригаде – пять человек. Не все из них были профессиональными судьями, как сегодня. Конечно, на их судейство влиял авторитет Рыльского, который был старше меня на 10 лет. Мне 22 года. На моей стороне ничего, кроме азарта и молодости.

Но, видимо, уже и были такие качества, которые объективно делали Ракиту сильнее Рыльского. Вопреки опыту ветерана и произвольную помощь судей. Марк понимал: чтобы один его укол был засчитан, он должен нанести ДЕСЯТЬ. И он наносил десять! Шквал атак сделал своё дело. Марк Ракита впервые завоевал звание чемпиона Советского Союза. Наверное, тот бой был ключевым во всей спортивной биографии новичка. Он поверил – выйдя на дорожку, всё в его руках. Никакие обстоятельства не могут быть выше мастерства.

На этом чемпионате окончательно стало ясно: связка «Тышлер-Ракита» состоялась. Потом уже вспоминали, как по пути к финалу перед каждым боем тренер подходил к ученику, говорил две-три фразы о предстоящем сопернике, не больше. После чего, на удивление многим, Марк уверенно выигрывал бой за боем. А самое главное, никто из соперников ещё не догадывался, что родился новый чемпион мирового класса с неповторимым стилем и своим уникальным почерком фехтования.

В клубе поняли, что он «стоит» больше, и сразу Марк получил повышение по служебной линии. Его назначили инструктором по спорту 1-й категории.

– Я пришёл в гости к отцу на работу, – вспоминает Марк, – и увидел, что тот сидит с газетой «Советский спорт». Кто-то из его сослуживцев занёс ему в кабинет статью о новом чемпионе Советского Союза. Отец посмотрел на меня и сказал: «Ну, что ж, молодец! Теперь я вижу, что ты выбрал правильный путь в жизни.»

Став чемпионом страны, Марк по всем существовавшим тогда правилам должен был поехать на чемпионат мира в Аргентину. До этого момента он ни разу не был в капиталистической стране. Оснований для сомнений, что его выпустят, было достаточно. Шёл 1962 год. Хрущёвская оттепель смягчила тоталитарный режим времён Сталина. Но это был год Карибского кризиса. СССР вошёл в конфронтацию с Западом из-за Кубы. Отношения с Америкой

накалены до предела. А тут поездка на этот самый континент. Тётушки и дядюшки Марка, узнав, что племянник едет в Буэнос-Айрес, наперебой сообщали ему о каких-то родственниках, которых хорошо бы найти.

Безумные, они не понимали, что об этом не могло быть и речи. Восстановление этих родственных связей автоматически делало бы его невыездным и сломало бы спортивную карьеру с самого начала. Марк только что заполнил анкету, в которой написал: «Родственников за границей не имею». Сам по себе этот обман не мог не напрягать, не унижать. Но таковы были правила игры с властями...

– Я прилетел в Буэнос-Айрес, – вспоминает Марк, – в составе сборной Советского Союза. Нас ещё размещали в гостинице. И тут в вестибюле подходит ко мне выдающийся тренер, он же майор КГБ, Иван Ильич Манаенко, пожимает руку и говорит: «Рад, что ты приехал. Не ожидал тебя здесь увидеть!». Для меня большой загадки не было, почему он так меня встретил. Ведь нет еврея, у которого не было бы родственников за границей.

Начались будни чемпионата. Пресса в умеренных тонах отражала это спортивное событие. Но в спортзале случился пожар. В это время года Буэнос-Айрес обогревался печками. В тренировочном зале стояли специальные обогреватели, они и загорелись. Пожар-то был что называется, сезонным событием. Сенсация для всех без исключения местных газет, потому что именно главный тренер Лев Сайчук загасил огонь. Команда помогла быстро справиться с возгоранием. Аргентинские газеты подробно расписывали его действия, а заодно, всех членов советской спортивной делегации. Событие привлекло множество корреспондентов. Журналисты и в последующие дни писали больше о пожаре, чем о чемпионате. Ну, и, очевидно, в аргентинской прессе где-то промелькнула фамилия Марка Ракиты.

В один из дней он возвращается с соревнований, а в фойе гостиницы его встречает заместитель руководителя делегации, он же негласный представитель КГБ в звании полковника и говорит: «Марк, пришли твои родственники, которые живут в Аргентине». Он в ответ: «Какие родственники? У меня нет никаких родственников». «Ну, вот, сидят с утра в вестибюле, говорят, что они твои родственники. Надо тебе с ними встретиться. Пошли!».

– И повёл меня к ним, – рассказывает Марк. – Вижу двух молодых людей моего возраста. С ними девушка, очень похожая на мою сестру. Говорят на идиш. Моя мама и бабушка разговаривали дома на идиш. В памяти остались какие-то обрывки фраз, несколько слов, которыми я мог пользоваться. Позже я стал лучше говорить на этом языке и даже помогал своим товарищам по команде во время «шопингов» в различных городах мира. Но тогда изъяснялся с трудом. У меня, конечно, не было никаких сомнений, что это были мои родственники. Прямые ветви Ракит эмигрировали сюда во время исхода евреев в начале XX века. Но как я мог признать их?

... Наверное, нынешним молодым российским гражданам будет странно читать о том, что в Советском Союзе считали чуть ли не преступлением иметь родственников за границей. Те, кто выезжал за границу, скрывали своё родство, что тоже было преступно перед Системой. В этом пункте перед органами был виноват любой советский гражданин, независимо от того, что писал и какие посты он занимал в партийной или правительственной иерархии, в общественной или спортивной жизни.

Тех, кого ловили на родственниках, на жульничестве, на вольных высказываниях за границей, тех автоматически делали невыездными. Под подозрение органов попадали, в первую очередь, все советские евреи. Они и изворачивались, как могли. В Буэнос-Айресе Марк заявил, что его предки из Воронежа и никакого отношения к предкам аргентинским он не имеет. Однофамильцы! Полковник, слушавший и записывавший этот разговор, был удовлетворён и высылать Марка на родину не стал. Марк продолжал выступать в команде, которая стала бронзовым призёром, что для тех времён было совсем не плохо. И в личных зачётах Марк показал

результат не хуже бывалых членов команды. Он мог считать, что утвердился в сборной страны. Но, конечно, ясно понимал: возможно, это был первый и последний его выезд за границу.

Вернувшись в Москву, он объявил Давиду Тышлеру, что тренироваться больше не будет. И рассказал, что произошло в Буэнос-Айресе. Тышлер убедил Марка продолжать тренироваться, хотя бы потому, что ему уже платили зарплату чемпиона страны. Это было 176 рублей в месяц. Совсем не плохо! И надо было на что-то жить. Марк тренировался в ожидании плохих новостей...

Впоследствии, когда Ракиту вновь выпустили в составе команды за границу, стало понятно, что ни заместитель руководителя делегации, ни Иван Ильич Манаенко не доложили, куда следует, о родственных связях Ракиты. Возможно, потому что в тот период у них был более серьёзный инцидент, иначе говоря, более крупный улов. Их длительный конфликт с президентом федерации полковником военно-воздушных сил похоже, завершился успешно. Последний был пойман в Буэнос-Айресе на заурядном жульничестве со счетами в гостинице. Словом, оба функционера или забыли, или посчитали мелочью происшествие с Ракитой в их многотрудной службе в КГБ. А может быть, этот выдающийся тренер, И. И. Манаенко, привыкший вести своих воспитанников по жизни, улаживать их домашние дела, взаимоотношения с властями, оборонять их на тренерских советах, на соревнованиях, в спорах с судьями, посчитал возможным прикрыть талантливого спортсмена в «тёмных коридорах органов безопасности».

* * *

Вряд ли сегодня возможно докопаться до истины, но факт остаётся фактом – Марк почему-то после встречи с «родственниками в Буэнос-Айресе» проскакивал все проверки и в *предвыездных анкетах* продолжал писать: «родственников за границей не имею». А ведь мог и не проскочить, вот в чём дело. В любой момент. Более того, не сохрани Марк эту возможность – выезжать за границу – не стал бы восьмикратным чемпионом мира, дважды – олимпийским чемпионом... Наверное, обидно видеть такое резюме Марку. Но это была тогдашняя реальность, с которой мы все сталкивались в Советском Союзе. Потому во время встречи в Фарнборо я продолжил эту тему. Начал со своих ощущений, со своей памяти.

– Я боялся КГБ. Я испытывал страх. Знаю, что во время учёбы в МГУ на факультете журналистики были кураторы с кафедры, которые приходили к моим сокурсникам и вербовали их. Ко мне кураторы никогда не подходили. Может, потому что понимали – на такое дело я не гожусь, может, не подходил им по пятому пункту, может, чувствовали – я не их клиент, меня легко раздавить... Тебя вербовали?

– Нет, они меня опасались, а не я. Никогда с ними я не играл и не боялся. Я знал, к примеру, что Владимир Николаевич Зимин курировал ЦСКА. Он был приставлен органами для работы с командами. Однажды он пригласил меня побеседовать. До того мы выпивали вместе. Он был чуть моложе меня. И в какой-то момент подошёл ко мне и сказал: мол, ты адекватный парень, и нам надо поговорить. Назначил свидание в каком-то доме недалеко от ГУМА. Вхожу в подъезд и оказываюсь в огромной комнате – метров в 40-50. Посередине стоит один-единственный стол. За ним сидит этот наш куратор. Начал разговор со мной агрессивно. И закончил просто: мы хотели бы сотрудничать с тобой. Мы – это кто, спросил я. Это КГБ. А что значит сотрудничать? Я спортсмен, офицер, у меня есть свой путь в жизни. Да, но у тебя есть информация, которой ты владеешь. Мы хотели бы её получать. Я ответил, что не могу с вами сотрудничать. Потому что моя жизнь – это фехтование. Но если что-то вам от меня надо, спросите – я всегда открыт... На этом агрессия закончилась. Беседа какое-то время ещё продолжалась. Но, как я понял, тема была закрыта. Никогда больше ко мне никто не подходил специально. Этот Зимин со мной общался и, волей – не волей, наверное, от меня получал какую-то информацию. Как и ото всех. А тот повышенный тон, как бы между прочим объяснил: мол, так надо было

разговаривать там, в той комнате, потому что всё записывалось на магнитофон. Я ответил, что ничего не помню. Конечно, я знал, с ними сотрудничали практически все мои ученики. От 80 до 90 процентов команды СССР в той или иной мере сотрудничали с КГБ. Никто им не давал задания. Они были ручными в этой организации. Просто они числились доверенными лицами.

Глава VI. Про интеллект в фехтовании

Скептическое отношение интеллектуалов к спорту – не новость. Игнорировать такое, на первый взгляд, не просто. На самом же деле, если говорить всерьёз, есть несколько видов спорта, которые дают возможность преодолеть скепсис. Среди этих видов, вне всякого сомнения – фехтование. Немного истории. В просвещённой Европе фехтованием занималась, прежде всего, аристократия. Об этом свидетельствует итальянец Луиджи Барбазетти, считающийся основателем венгерской школы интеллектуального фехтования. Перед тем, как приехать преподавать в Венгрию, он жил себе в Италии и был учеником знаменитого фехтмейстера Джузеппе Радаэлли. После смерти учителя Луиджи рванул в Будапешт. Но в 1884 году Барбазетти перебирается в столицу Австро-Венгерской империи. Он появляется в известнейшем фехтовальном зале Вены, где в своё время фехтовала ещё одна знаменитость по фамилии Бленджини. Вскоре у Луиджи Барбазетти берёт уроки и фехтует вся венская аристократия. В 1909 году его книгу «Фехтование на саблях» переводят и издают на русском языке. В это время в Петербурге фехтование становится популярным, прежде всего, среди офицеров царской армии. В своей книге о разных способах защиты и атаки противника Барбазетти описывает дополнительную седьмую защиту. Ну, и главное, рассуждает о том, как постичь, понять, учесть при выполнении удара такую функцию, как ВРЕМЯ. А это уже вопрос вполне философского содержания...

Даже исходя из этих скудных сведений, можно увидеть, что фехтование связано с интеллектом. Совсем не лишне привести здесь и несколько общих определений. Мастером интеллектуального фехтования специалисты называют спортсмена, который предугадывает действия более сильного соперника, умеет спровоцировать выпад противника и опередить его защитой или ударом; имеет в своём арсенале такую цепочку атак, которую разгадать практически невозможно; постоянно творит со своим тренером, создаёт с ним новые серии приёмов атаки и защиты; собирая информацию об именитом сопернике, помнит её, быстро обрабатывает и переводит в движение, проще говоря, думает на дорожке; наконец, импровизирует. Короче говоря, тренер и его ученик, исповедующие интеллектуальное фехтование, концентрируются не на мощи и силе удара, а на изяществе, лёгкости движений, на непредсказуемости всего, что творит спортсмен, выходя на дорожку. И если уж тут выскочило слово *творить*, то придётся прибавить, что фехтование многими нитями связано с искусством.

Ну, а теперь попробуем всё перечисленное увидеть на практике, то есть в тесном сотрудничестве тренера Давида Тышлера и его ученика Марка Ракиты. Их встреча оказалась судьбоносной. Теперь уже было очевидно: они нашли друг друга не случайно. Сабля для Тышлера и до того, как он стал тренером, была, прежде всего, игрой ума, доказательством теоремы, что всё задуманное можно воплотить в долю секунды. На тренерской работе он унифицировал особенности спортсменов, близких по типу, создал своеобразные модели и с их помощью готовил учеников, развивал их способности к анализу. Первым учеником стал Марк Ракита, потому что был склонен именно к анализу. Он умел читать действия противника, размышлять, копить знания. И, благодаря высокому уровню интеллекта, на глазах вырос, прежде всего, в *позиционщика*. На дорожке Марк был очень рационален, передвигался только в тактических целях и, тем самым, создавал запас энергии для решающей атаки. Противники же его двигались гораздо больше, чем он, пробуя найти именно в движении нужную позицию. Это преимущество подкреплялось творчеством в поединках. Ракита уже был способен на неожиданные решения, находки, импровизацию. Быстро рос его багаж вариантов, который во много раз превосходил багаж остальных спортсменов. Потому звезда Марка впоследствии так ярко блистала на мировых пьедесталах.

Связка Тышлер-Ракита на первый взгляд выглядела идеальной. Но всё было достаточно сложно. С одной стороны, Марк не подходил под общую схему, действовал на дорожке нестандартно, нетипично, что импонировало тренеру. С другой стороны, на своём ученике Тышлер проверял свои идеи. Вместе они разрабатывали новые. Именно по этой причине уникальной паре многие годы удавалось оставаться единомышленниками. Тем не менее, процесс творческого поиска был очень непростым, требовал и от ученика, и от учителя терпения, доверия, готовности открыто разрешать возникающие недоразумения. Тышлер вспоминает: «Поначалу Марк всё время пытался поймать меня, что я провожу над ним какие-то тренерские эксперименты. И хотя он не отказывался быть *подопытным кроликом*, но на эту роль без оговорок не соглашался. Иногда его творческое участие в поисках только помогало мне, но иной раз ради нужного эффекта он должен был оставаться в неведении, и тогда мне приходилось выкручиваться. Это было непросто, потому что Марк был проницателен и ужасно любознателен. Вообще говоря, эта личность оказалась неординарной во всём. Выглядел он уверенным, неуязвимым, хотя в сборной к нему прилипла кличка – *Пьяная Черепаха*...»

И в самом деле, на фехтовальной дорожке он каким-то образом побеждал, хотя ползал, как *черепаха*. Позже он сам неоднократно помогал журналистам понять этот свой феномен. Потому они так любили брать у него интервью. К слову сказать, в период подготовки книги (и во второй редакции тоже, о чём речь ниже), я на себе почувствовал одарённость Марка, как коммуникатора. Он рассуждал не только как профессионал, но и как популяризатор фехтования, делал доступными для понимания широкой публики тонкости этого сложнейшего вида спорта, избегая всяких мудрёных терминов, понятий, умозаключений.

– Я не очень одарен физически, – признавался Марк. – То есть, мои скоростные возможности не терпели никаких критериев. Я по этим параметрам не должен был бы близко подходить к сборной команде страны. В абсолюте, если у нас лучшие спортсмены-фехтовальщики пробегали сто метров где-то за одиннадцать с небольшим, для меня достижением было четырнадцать секунд. Но техника передвижения, которая была поставлена для меня специально, и которой я овладел, видимо, была идеальна. Она компенсировала отсутствие скорости за счет техники передвижения, своевременности принимаемых решений и способности «заиграть» противника на своих условиях. Все дело в том, что на фоне общего замедленного движения, рука у меня действовала значительно быстрее, чем у всех самых быстрых фехтовальщиков. Скорость прохождения нервных процессов была намного выше, чем у моих соперников.

Тышлер в роли тренера, конечно, видел эти особенности Марка. Потому и создал для него индивидуальную систему тренировки. Замечательно, что в этой *связке* – ученик-учитель, оба обогащали друг друга, помогали отыскивать пути к победе. Разговоры же, что Марк – простой исполнитель идей Тышлера, что он лишь тень тренера, провоцировал... сам ученик. Когда к нему подходили и спрашивали, как капитана, о планах на день, на неделю, на год, он всегда отвечал: «Как скажет Давид Абрамович!». В этом было подтрунивание над слухами и сплетнями, совершенно в духе Ракиты, шутка, которую не все разгадывали. И только Давид знал характер Марка: подмять, подавить себя он не дал бы никому. Даже ему, тренеру, фотографию которого носил в портмоне вместе с фотографией жены. Ученик своим авторитетом чемпиона впоследствии поддерживал своего тренера, стоял за него горой. Но это совсем не значило, что Марк был лишь статистом, подопытным. В совместных поисках тренер и ученик были партнёрами, что впоследствии признавал и Тышлер. Они вместе насыщали тактический репертуар будущего олимпийского чемпиона, вместе строили и изобретали хитроумные, головоломные цепочки, подхватывали идеи друг друга, развивали их. При этом, всякий турнир для тренера в первую очередь, конечно, был поводом для глубокого анализа того, что случалось с его учеником. То, как он фехтовал, нередко давало импульс для новых идей.

Так что вполне можно признать, что проповедниками интеллектуального фехтования в Советском Союзе 60-х годов стали Тышлер со своим учеником Ракитой. И ничего удивитель-

ного, что Марк сегодня пробует ввести в практику подготовки молодых тренеров именно такое фехтование. Вместе с главным наставником сборной страны И. Мамедовым он разработал специальную программу для тренеров и начинающих спортсменов. Марк поясняет:

– Чтобы усвоить разницу между интеллектуальным и силовым фехтованием, надо читать книги по хорошему фехтованию. Надо осознать, нутром почувствовать, что фехтование – это искусство. Фехтовальщик может освоить множество способов защиты и атаки. Но надо подумать и о том, как красиво парировать удар соперника, как скрытно, легко, элегантно, непринуждённо нанести ему свой удар, как собрать и выстроить это всё в серию. В непрерывную цепочку движений. Такое прежде надо сложить, скомбинировать в голове. Хороший тренер обязан пробуждать в ученике интеллект. Добавлю, интеллектуальное фехтование возможно внедрять, если спортсмен подготовлен на высоком уровне. То есть, у него уже должна быть средневысокая скорость, отработаны техничные движения ногами и руками, реализованы все его природные данные и освоены стандарты (как мы говорим, «двочка» – «троечка»). Но дальше надо помочь ученику научиться думать на дорожке. Фехтовальщик интеллектуального направления должен представить себе, что его противник обладает теми же качествами, что и он. А затем ставить себе задачу – каким образом обыграть равного по мастерству противника, или даже заведомо быстрее тебя. Да, природа одарила соперника скоростью, которой у тебя нет, к примеру. Но венцом интеллекта фехтования является именно умение *обратить* себе на пользу лучшие качества, которыми одарён противник, заманить его, заставить на дорожке делать блестяще и быстро то, чем он славится, исполнить то, что он умеет лучше всего, но прийти туда, куда ты его *пригласил*, как мы говорим. С учеником, к примеру, это делается так – тренер заставляет исполнить упражнение быстро и технично, открывая как бы незащищённое место, и за сотые доли секунды ставить защиту... Противник не видит этой защиты и *влетает* в неё, то есть получает ответ. Вот это называется интеллектуальным фехтованием! Обыграть соперника за счёт глубокого знания его приоритетов в бою, предпочтений в атаке и защите, используя сценарий боя, который он обычно навязывает. Добиться этого не просто. Зачастую я ставил задачу ученикам, конечную цель которой они поначалу могли не понять. Но я развивал у них такие реагирования, называй их инстинктами, которые позволяли им превосходить даже блестяще подготовленного противника. Например, есть ситуация, когда в контратаке фехтовальщик слишком высоко задирает руку. Да, мой ученик делал именно так – сознательно, совсем не технично, чтобы все видели, с задранной выше всяких стандартов рукой, стремительно сближался с противником и мгновенно ставил этой рукой защиту. Вот это то самое фехтование, при котором побеждает интеллект, а не грубая сила, не примитивное исполнение в бою всего наработанного ранее.

– То есть, речь идёт о провокации?

– Ну, в фехтовании это называется мягче – приглашение противника прийти туда, куда ты хочешь.

– Можно ещё пример?

– Пожалуйста. Несколько лет назад в команду юниоров пришёл фехтовальщик с блестящими физическими данными – рост, сила, скорость. Одарён необыкновенно! Неудержим! Но никто не обработал его мозги. Он не владел нюансами, он не получил должного фехтовального образования. Потому равному противнику проигрывал. Причём, безнадежно. Со всеми его необыкновенными физическими данными. Ничего удивительного! Такая сила и мощь, такой напор, как правило, природа изначально не очень увязывает с мозгами. С ним работал наш старший тренер, который попросил меня вмешаться, помочь парню. Для начала я предложил ход: пусть закроет глаза и делает выпад вперёд с такой мощью и скоростью, на которую он только способен. Попадёт в защиту – не важно, не попадёт – блестяще! Иначе говоря, мы поставили его в ситуацию преднамеренного *контр-рипоста*...

– Атаковать с закрытыми глазами в данном случае значило дать импульс развитию интуиции у спортсмена, рассчитывающего только на свою силу и скорость?

– Именно. Он с закрытыми глазами должен интуитивно почувствовать, где ставить защиту... Не буду расписывать технические тонкости этого упражнения. Скажу только, что после наших тренерских экспериментов этот спортсмен занял второе место на чемпионате мира среди юниоров... Ещё пример. Тренеру с другим учеником я порекомендовал такой ход: делая выпад вперёд, спортсмен должен взять свою руку чуть на себя. Понятно, тем самым он выставлял голову вперёд. Глубокий выпад, и противник в контратаке, конечно, бьёт в голову. Но в долю секунды именно там выставлена защита. И противник, опять же, как мы говорим, *влипает*. Таким приёмам научить не просто, но мы, тренеры, учим...

– Ну, да, это ровно то, что делал ты в своё время, выходя на дорожку...

– Верно. Но с тех времён мировое фехтование пошло, к сожалению, по другому пути. Из интеллектуального оно на моих глазах превращалось в силовое. Сейчас ситуация потихонечку меняется.

Этим сегодняшним размышлениям Марка про интеллектуальное фехтование, как мне показалось, тут самое место. Впрочем, вернёмся в шестидесятые годы. Тут любопытна история, связанная с появлением в советском фехтовании спортсменов, фехтующих левой рукой. В 1962 году на турнире «Сабля Володыевского» Тышлер проанализировал итоги выступления ученика, только что ставшего чемпионом Советского Союза. Обнаружилось, что из тринадцати боёв, которые Марк провёл с фехтующими правой рукой, двенадцать он выиграл, но шесть из семи – проиграл левшам. Тышлер понял, что Марку необходим спарринг-партнёр, фехтующий левой рукой. Возвратившись из Польши в страну, он тут же подобрал ему «левшу», молодого фехтовальщика Игоря Честиченко. Но спустя некоторое время того переманили в Белоруссию: Честиченко очень хотел учиться, и поставил условие – если белорусы помогут ему поступить в мединститут, он перебирается в Минск. Условие выполнили. Честиченко стал студентом, а спустя год, ушёл из фехтования.

Тренер же продолжал поиск саблиста, который фехтует левой рукой. Марку позарез требовался спарринг-партнёр. На первенстве Вооружённых сил, наконец, появился саблист-левша. Его только что призвали в армию. Перед призывом в Донецке Виктор Сидяк успел стать кандидатом в мастера спорта. Физически крепкий парень, среднего роста, амбициозен. Уровень его фехтования тогда был не высок, но Тышлер сделал ставку на него.

Так у Марка Ракиты появился спарринг-партнёр, фехтующий левой рукой. Как партнёр, он, по мнению Тышлера, оказался не очень хорошим – агрессивен, потому перенапряжён. Удары его болезненны. Что ж, Раките приходилось терпеть, зато он очень быстро осваивал специфику боя с левшой. С другой стороны, Виктор Сидяк многому учился у такого тактически богатого фехтовальщика, как Марк. И тоже быстро прогрессировал. Но, став впоследствии олимпийским чемпионом, всё-таки регулярно проигрывал Раките.

Марк тренировался много, хотя всегда боялся перетренировок. Он помнил о случившемся в самом начале спортивной карьеры. Тренер тоже. Поощряя готовность Марка работать в зале без усталости, внимательно следил за его состоянием и снимал тревогу ученика, когда возникала необходимость в длительных, изнурительных тренировках. Ведь без таких тренировок поднять уровень мастерства спортсмена невозможно. Одновременно, важно было снимать страх Марка перетренироваться. И это умел делать Тышлер. В результате Марк подходил к мировому первенству во всеоружии.

...Следующий чемпионат мира 1963 года проходил в Гданьске. Решающие схватки – с польской командой, наставником которой был выдающийся венгерский фехтовальный тренер Янош Кеваи. Это он довёл Ежи Павловского за пять лет тренировок до звания чемпиона мира. Легендарный тренер был на трибунах. Марк видел его, когда вышел на бой с Павловским. Видел и слышал, как Янош восхищался советскими саблистами, и, в частности, Яковом Рыль-

ским. В одном из интервью объяснял: «Я учил Павловского делать флэш в падении. Меня за это ругали. А теперь Рыльский делает ту же стремительную *флеш*, но остаётся на ногах. Значит, найдена золотая середина. Значит, можно научиться защищаться без падения. Рыльский тратит полторы секунды на 4-5 метров прыжка вперёд и не падает».

С того чемпионата мира Марк Ракита окончательно утвердился в сборной страны. Бой с Павловским он выиграл. И только в результате интриг советская команда саблистов заняла не первую, а вторую ступеньку на пьедестале почёта. Рассказ о том, как это случилось – впереди. Тут же уместно выделить главное – Тышлер был доволен выступлением ученика. Оба они вышли на финишную прямую – подготовку к Олимпиаде в Токио.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.